B 21/443

Не выдавать

В 21/4113

В. В. Розановъ

О ПОДРАЗУМѢВАЕМОМЪ СМЫСЛѢ НАШЕЙ МОНАРХІИ

58/186

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1912

О ПОДРАЗУМѢВАЕМОМЪ СМЫСЛѢ НАШЕЙ МОНАРХІИ

В 21
443

В. Розановъ

О ПОДРАЗУМѢВАЕМОМЪ СМЫСЛѢ НАШЕЙ МОНАРХІИ

МОСКОВСКІЙ ПУБЛИЧНЫЙ
XII-27368
И РУМЯНЦОВСКІЙ МУЗЕИ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1912

2007053240

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ, 13

Мотивомъ, ближайше толкнувшимъ меня написать это разсужденіе, были два «отношенія», попавшіяся мнѣ подъ руку во время службы въ Государственномъ Контролѣ, въ его Департаментѣ желѣзнодорожной отчетности: одно—о двухъ погашенныхъ (перечеркнутыхъ) герб. маркахъ, обѣ стоимостью въ 1 р. 60 коп., за подписью начальника отдѣла Генеральнаго Штаба, и—другое, Высочайше скрѣпленное, о покупкѣ нѣсколькихъ саженъ земли для расширенія склада каменнаго угля Николаевскою жел. дорогою, тогда находившеюся во владѣніи Главнаго Общества Россійскихъ жел. дорогъ. Я, въ составѣ другихъ чиновниковъ, ревизовалъ расходы Главн. Общ. Росс. ж. дор.,—относимые на облигаціонный капиталъ, по коему приплаты, въ случаѣ недовыручки, производились изъ средствъ казны. Было злоупотребленіемъ самое существованіе этого Гл. Общ. росс. ж. д.; была болѣе, нежели только странною, передача ему-же, частному обществу предпринимателей, доходной и на средства казны построенной Николаевской

линіи; наконецъ, когда произошелъ выкупъ, то казна оказалась вынужденною переплатить около четырехъ милліоновъ сверхъ стоимости, проставленной въ договорѣ, въ силу одной перестановки словъ въ его текстѣ, каковая перестановка была испрошена Гл. Обществомъ, и когда производилась, то никто не могъ предвидѣть ея значенія. Въ силу этой перестановки такой-то «процентъ отчисленія» сталъ относиться не къ данной суммѣ, какъ первоначально было, а совсѣмъ къ другой, гораздо бо̀льшей. Я передаю смыслъ: тогда это мѣсто договора, синтаксически очень сложное, читалось съ изумленіемъ всѣми чиновниками контроля;— всѣ съ изумленіемъ видѣли, что какъ будто нѣтъ разницы, сказать-ли такъ, или—этакъ. Отъ этого «и согласились» въ свое время. Но авторы проекта перемѣны «знали, въ чемъ штука», и теперь при выкупѣ потребовали приплаты въ четыре милліона, которые, съ изумленіемъ и негодованіемъ, но всетаки уплатили Главному Обществу. Между тѣмъ годовой бюджетъ всего Госуд. Контроля въ Россіи равнялся (въ 1894 г.) именно 4.500,000 руб., т. е. Обществу хищниковъ сразу было выплачено, по чиновническому недосмотру, столько, сколько въ годъ получали жалованья всѣ контрольные чиновники во всей Россіи!!

Мелочи—видимъ, ушли въ нихъ съ головою! большо́го—не видимъ, не замѣчаемъ, не обдумы-

ваемъ даже. Ибо мелочей—такое количество, что еще раньше, нежели ихъ «всѣ пересмотрѣть», человѣкъ, служащіе, чиновники, большіе чины, наконецъ огромные чины и даже все «правительство» положительно мертвы отъ усталости!! Мертвы—и не видятъ, не осязаютъ, если даже вся Россія «заваливается съ того боку»...

Это—крушеніе страны; «совершенно честное» крушеніе, наконецъ «въ высшей степени трудолюбивое крушенье»—отъ недостатка собственно **метода.**

Методъ этотъ ввелъ **Сперанскій.** Онъ именуется «чиновничествомъ» или «бюрократіею». Методъ этотъ—не русскій; просто—это методъ всей новой Европы, новой европейской государственности. Въ ту пору, въ 1894 г., онъ сдѣлался для меня какъ-бы кошмаромъ, о которомъ я денно и нощно думалъ. Всѣ въ обществѣ и печати заняты были *чиновниками*, тогда какъ надо было поднять вопросъ о *чиновничествѣ*. Что такое? откуда? вѣчно-ли необходимо? Были-ли чиновники въ Римѣ? въ монархіи Карла Великаго, теперь—въ Англіи? Если нѣтъ, то чѣмъ они замѣнялись и какъ шло все дѣло, какъ совершалось управленіе страною? Туча вопросовъ... Гнались, съ дубиной и насмѣшкой, за злоупотреблявшими чиновниками, тогда

какъ въ выкупѣ дорогъ переплатили 4 милліона не отъ злоупотребленія, а отъ того, что всѣ чиновники полегли какъ мертвые отъ усталости, «погашая двѣ марки въ 1 р. 60 коп.»!! Дѣло — въ *методѣ*, а не въ *воровствѣ*. Дѣло — именно въ мелочахъ, въ подробностяхъ; и въ томъ, что — ни времени, ни отдыха, ни глаза, ни ума не остается для громаднаго! для самаго большòго! отъ чего все зависитъ!!

Представьте себѣ 1.000,000 муравьевъ, и дайте имъ задачу—построить Эйфелеву башню.

Они будутъ все также бѣгать; носить соломинки; перетаскивать бѣленькія яички. Но, очевидно, никогда не выстроить имъ Эйфелевой башни!

«Эйфелева башня»—государственность въ исторіи. Эта, положимъ, «громада межъ тремя океанами», наша Россія. Кто-же ее строитъ?

Убійственный отвѣтъ:—никто!!

«Живется», «можется», «терпится»,—и еще сотня бытовыхъ поговорокъ, которыми можно отмахиваться, когда дѣло идетъ о телѣгѣ или курной избѣ, но не когда дѣло идетъ о Россіи! Да и не объ ней одной: это—положеніе всѣхъ государствъ въ Европѣ! «Крадутъ»—и, конечно, плохо; но когда не «крадутъ»,—то лишь немногимъ лучше: ибо разваливается все, крушится естественной старостью, естественной слабостью. Все крушится, ибо идеи цѣлостнаго—нѣтъ ни у кого.

До извѣстной степени,—она есть у людей, стоящихъ въ сторонѣ и не принимающихъ въ строительствѣ никакого участія; у людей приватныхъ. Мысли, меня занимавшія (и здѣсь изложенныя), никому рѣшительно не приходили на умъ, и всего менѣе—Тертію Ивановичу Филиппову (государственный контролеръ), задыхавшемуся каждую среду отъ «пріема» человѣкъ 100 «по дѣламъ службы», а ежедневно тоже отъ «докладовъ своихъ чиновниковъ» по дѣламъ также «службы». «Службы» такъ много, что рѣшительно у всѣхъ ускользаетъ изъ глазъ, что «она вообще не нужна». Т. е. эта служба, состоящая въ «докладахъ» и «пріемахъ» и «погашеніяхъ двухъ гербовыхъ марокъ». Могло это придти на умъ «человѣку въ сторонѣ», который немножко какъ Аббадонна «служилъ и проклиналъ»!.. Тогда вдругъ становилось ясно, что «міръ не такъ устроенъ»,—вотъ этотъ «служебный міръ». Ну,—а **какъ?**

У меня нѣтъ отвѣта. Ни у кого нѣтъ отвѣта.

*
* *

Мнѣ было совершенно ясно, что вопросъ—не въ порицаніяхъ бюрократіи, а въ отвѣтѣ, чѣмъ ее замѣнить. Пока не найдено, чѣмъ—терпи то, что̀ есть: это ужъ было простой честностью въ положеніи. Помню, я очень работалъ тогда мыслью

надъ іезуитскимъ орденомъ: умѣетъ же онъ достигать своихъ цѣлей? Въ сущности, и 4 потерянныхъ милліона, и двѣ марки на полисахъ въ Узунъ-Ада, были пустяки: важно было, что государственность вообще не достигаетъ своихъ цѣлей, не осуществляетъ свои задачи, какъ вотъ, напр., умѣетъ же осуществлять свои задачи іезуитскій орденъ. И тогда,—какъ онъ устроенъ? Почему достигаетъ онъ, а не мы?

Иногда мнѣ казалось, что вопросъ—не столько въ бюрократіи, въ этомъ сонмѣ чиновниковъ, а въ томъ, какъ она поставлена? Мнѣ казалось, что она имѣетъ неправильное положеніе въ государствѣ, странѣ, отечествѣ. Мнѣ она казалась недостаточно свободною въ выборѣ средствъ; и, съ другой стороны,—слишкомъ свободною въ постановкѣ цѣлей. Мнѣ казалось необходимымъ совершенно отдѣлить цѣли отъ средствъ: бросивъ всѣ средства—бюрократіи, а цѣли—сосредоточивъ въ свободномъ, неизмѣримо вознесенномъ, лицѣ Монарха. Этотъ послѣдній, какъ я комбинировалъ въ себѣ,—есть стражъ горизонтовъ, такъ сказать—міровой компасъ корабля-исторіи. А бюрократія около него—кочегары, плотники, механики, матросы. Они—даже и не заглядываютъ «на мостикъ»; а онъ—никогда не спускается «съ мостика». Теперь—все смѣшано: его зовутъ внизъ, «въ машину»; и совлеченный туда—

онъ вовсе опускаетъ изъ виду, опять отъ усталости и недостатка времени,—ходъ и направленіе корабля. Въ силу этого смѣшенія функцій, корабль (исторія) никакъ не идетъ, или идетъ «Богъ знаетъ куда».

Сравнивалъ я также частную дѣятельность, частную предпріимчивость съ государственностью: первая, какъ извѣстно, всегда удачнѣе, по крайней мѣрѣ, дѣятельнѣе, энергичнѣе, страстнѣе, чѣмъ вторая. Въ чемъ тутъ дѣло? Личный барышъ, личная заинтересованность, притомъ въ достиженіи результата, а не заинтересованность только «въ отличномъ ходѣ» и «блестящемъ видѣ». Это — одно. Второе: всякій служащій въ «частномъ дѣлѣ» сейчасъ выбрасывается вонъ, какъ только перестаетъ служить «дѣлу», а служитъ «себѣ», обращая въ свое орудіе «дѣло». Въ государствѣ совершенно наоборотъ: 99 изъ 100 чиновниковъ служатъ «себѣ», а «дѣлу» отдаютъ лишь формально-неизбѣжное, отдаютъ лѣнивую и бездарную работу, а не стараніе и талантъ. Вся чиновная работа вообще бездарна, бездарна по существу и принципу; она вся лѣнива, формальна, бездушна. И отъ того, что всякій «опредѣленный на мѣсто чиновникъ» въ сущности вовсе несмѣщаемъ, если только онъ грубо и опять же формально не совершилъ вины или преступленія. Но онъ «преступленія» не совершаетъ, но

ничего и не дѣлаетъ. Такой-то солдатъ, положимъ, не «дезертиръ», но зато онъ «не стрѣляетъ». Тогда—арміи нѣтъ. Вотъ такъ и чиновничество: въ 99 процентахъ оно съ одной стороны есть, а съ другой стороны—его нѣтъ: и государство, при огромной видимости, существуетъ почти фиктивно, существуетъ миньятюрно. Собственно вся страна разслоилась на обывательство и чиновничество,—причемъ «чиновничество» пріобрѣло всѣ качества «обывательщины»-же, но только въ мундирѣ, съ свѣтлыми пуговицами, и на содержаніи у тѣхъ подлинныхъ обывателей. Обыватели привилегированные — вотъ чиновники; не чиновники — это обыватели безъ привилегій.

Средство противъ этого есть: обратить 99% чиновничества въ «служащихъ по найму» и смѣщаемыхъ безъ всякаго проступка, просто за недостаточную энергію и талантъ работы, какъ всякій рабочій. Тогда «чиновничество» съузилось бы до немногихъ сотенъ «управляющихъ»,—вмѣсто теперешнихъ десятковъ тысячъ «служащихъ», т. е. «по утру сидящихъ на казенномъ стулѣ».

*
* *

Я передаю свои мысли тогда... Замѣчу, что «чиновника» не устранила и Г. Дума. «Все осталось по старому»: послѣ 17-го октября соверша-

етъ государственную работу все тотъ же сѣрый, тусклый «письмоводитель» и «столоначальникъ», до котораго Дума никогда не сможетъ коснуться, для коего она не имѣетъ ни щупалецъ, ни щипцовъ. «Чиновникъ» вообще существо метафизическое; это совершенно серьезно; онъ «Асмодей» и «демонъ», гораздо значительнѣе и волшебнѣе, чѣмъ какого пѣлъ дворянинъ и гусаръ Лермонтовъ.

Но оставимъ... Пусть читатель читаетъ самую статью.

Не смотря на то, что 1895 г. далеко не былъ «монархическимъ» въ печати и обществѣ, — не смотря на то, что въ статьѣ моей принципъ «монархизма» ставился такъ высоко, точнѣе—такъ религіозно, какъ онъ не ставился никогда у насъ со временъ первыхъ славянофиловъ, — статья моя была признана «вредною»; и уже сверстанная и готовая къ разсылкѣ подписчикамъ іюльская книжка «Русскаго Вѣстника» (за 1895 г.) была арестована. Тогда я отправился и имѣлъ первое свиданіе съ Конст. Петр. Побѣдоносцевымъ, — который меня зналъ черезъ С. А. Рачинскаго (автора «Сельской школы»), его друга «на ты». Черезъ дежурнаго чиновника я послалъ П—ву книжку «Русск. Вѣстн.» со статьею, и съ объясненіемъ, что она вырѣзана явно по какому-то недоразумѣнію, которое желательно-бы разсѣять и устранить. П—въ не выхо-

дилъ съ часъ: статья имъ была вся прочитана, не исключая и примѣчаній, — и при печатаніи здѣсь я отмѣтилъ черною линейкой съ боку мѣста, гдѣ онъ стчеркнулъ синимъ карандашемъ мѣста, о которыхъ намѣренъ былъ говорить. Вся его бесѣда была — какъ стараго профессора (на немъ и черный сюртукъ былъ не первой свѣжести),—съ исключительнымъ интересомъ къ темѣ, къ предмету,— безъ всякаго оттѣнка «министерства». Ни въ комъ я не встрѣчалъ такъ мало чиновника: П -въ былъ совершенно частный человѣкъ. Вѣроятно, такимъ помнятъ его и всѣ знакомые. Въ особенности его заняла мысль о безсиліи государственнаго механизма (бюрократіи), — который въ статьѣ я сравнивалъ съ опрокинувшимся паровозомъ, у котораго колеса еще вертятся, машина «идетъ», а самъ паровозъ никуда уже не идетъ. Приводя многія иллюстраціи изъ западной тогдашней жизни, мнѣ неизвѣстные, — онъ говорилъ, что «всѣ правительства находятся въ отчаянномъ положеніи, такъ-какъ работа, ими производимая, дѣйствительно безплодна для народа, безплодна вообще для чего-нибудь: и кидаются они—туда, сюда, но кидаются все въ той-же плоскости, по которой совершилась уже вся ихъ прежняя работа, громоздя на старыя не везущія учрежденія—министерства, канцеляріи -новыя, но которыя, повторяя въ себѣ тотъ-же духъ, тѣ-же пріемы —также

по-пусту работаютъ»... «А что вы подѣлаете?»... «Правительства видятъ, что что-то надо дѣлать, а что именно—не знаютъ»... «И выдумываютъ новыя и новыя формы, новые и новые органы, надѣясь, не поможетъ ли то, когда не помогаетъ это»... (На мои слова о соціализмѣ): — «Не скажите! На сколько соціалисты критикуютъ государственность—они правы: для народа правительства ничего не дѣлаютъ, и не умѣютъ ничего сдѣлать. Отъ этой-то дѣйствительной слабости правительствъ домоганія соціалистовъ и получаютъ свою силу, свое вліяніе на народъ»... (По поводу мѣстъ въ статьѣ, что бюрократія замѣстила власть монарха): — «Конечно» (и онъ приподнялъ старческое колѣно—нога на ногу—и ударилъ по нему обѣими огромными руками, сложивъ ихъ ладонями): «Государь только припечатываетъ то, что мы ему подносимъ»... «Всѣ разсужденія ваши правы, — но вы знаете наше общество, готовое все поднять на зубокъ. Что вы говорите серьезно и съ желаніемъ принести серьезную пользу—того не замѣтятъ; а что вы приводите какъ примѣры смѣшного и глупаго — подхватятъ, разнесутъ, и предадутъ смѣху то самое, что вы чтите»... «Механизмъ паденія монархій вы правильно указываете: но не берите наши дѣла въ примѣръ, а объясняйте этотъ механизмъ этого паденія на западныхъ государствахъ».

Кончилъ онъ совѣтомъ—передѣлать статью, т. е. «на западныхъ все примѣрахъ»... Но я уже утомленъ былъ, разъ написавъ на эту тему,—и мнѣ не «смоглось» перерабатывать вторично.

* *

Теперь я не сказалъ-бы многаго, въ статьѣ сказаннаго; не сказалъ-бы особенно отдѣльныхъ выраженій, но по мѣстамъ—и цѣлыхъ страницъ. Вообще съ 1895 года такъ много перемѣнилось,—перемѣнилась особенно наша психологія, что какъ-то самый тонъ статьи странснъ, чуждъ уху, уху и авторскому. Но я думаю—есть въ ней мысли вѣрныя. Въ ту-же пору,—пору самодовольной и единовластительной бюрократіи, — статья и совсѣмъ была права и умѣстна. Теперь, когда бюрократія «сѣла»,—я вставлю двѣ о ней замѣтки, отвѣчающія, по моему, нашему времени:

1) бюрократія всетаки очень много сдѣлала и дѣлаетъ. Правда, впередъ она государства и не ведетъ и не можетъ повести. Но когда въ статьѣ я ссылаюсь на Альфреда Вел., на Карла Вел.,—то смиренный почтовый чиновничекъ можетъ сказать:—«Позвольте, вашъ Альфредъ Великій не будетъ доставлять писемъ на домъ, а я—доставляю». «Исторія — не только движеніе впередъ, но и — status quo, безъ коего невозможна гражданствен-

ность, удобства, комфортъ обывателя, жизни, городовъ, губерній, цѣлой Россіи. Этого не сдѣлаетъ ни Альфредъ Великій, ни—писатели. Не сдѣлаютъ баре, не сдѣлаетъ лѣнивый обыватель. Это сдѣлаемъ мы, сѣрые рабы сѣрой дѣйствительности. Мы вовсе не выдуманы и не явились въ исторіи, какъ Deus ex machina: мы — нужны, и жизнь безъ насъ никакъ не могла-бы обойтись. Иное дѣло—поставить насъ иначе, другимъ способомъ организовать: это- -уже не наше дѣло. Вѣдь мы только служимъ. И міръ безъ нашей службы не можетъ обойтись, по крайней мѣрѣ теперешній міръ. Ну, а въ работѣ, службѣ—и кой-какая добродѣтель».

— «Дайте, всетаки, орденокъ», съиронизирую я надъ Мефистофелемъ. Но отвергнуть всетаки нѣкоторую правоту и большую силу Мефистофеля— никакъ не могу.

«Архей» новыхъ временъ...

*
* *

Ну, пусть читатель думаетъ о немъ, что̀ знаетъ.

Статья перепечатана съ вырѣзанной въ 1895 г. статьи безъ всякихъ поправокъ и сокращеній,— копировально. И издастся для «сохраненія памяти» въ очень ограниченномъ числѣ экземпляровъ. Ли-

нейки сбоку—помѣтки доброй памяти К. П. Побѣдоносцева. Долженъ замѣтить, что статья вызвала большое сочувствіе въ покойномъ моемъ другѣ и покровителѣ Н. Н. Страховѣ. Вызвала сочувствіе и другихъ, но дорого было сочувствіе только Н. Н. С — ва. Онъ ее и корректировалъ, ничего не измѣнивъ.

Спб., 25-го августа 1912 г.

Мрежи иныя тебя ожидаютъ, иныя заботы...

Пушкинъ.

Вообще говоря, есть представленіе, что Главный Штабъ нашъ занятъ непрестаннымъ изученіемъ условій защиты своего отечества и пріемовъ нападенія; что это—многоголовый, многоглазый, дорого оплачиваемый механизмъ, имѣя который Россія можетъ дремать спокойно, безъ опасенія быть разбуженной не во́-время лязгомъ оружія и, главное, не быть захваченной врасплохъ. Имѣя это горделивое и успокаивающее представленіе, я былъ очень удивленъ, когда—въ одинъ изъ тревожныхъ дней послѣ кончины покойнаго Государя—въ моихъ рукахъ очутилась бумага слѣдующаго содержанія:

«ГЛАВНЫЙ ШТАБЪ»

«Отдѣлъ по передвиженію войскъ. 24-го октября 1894 г.»

«Въ Департаментъ Желѣзно-дорожной Отчетности

«Вслѣдствіе отношенія Департамента отъ 8-го сего октября за № 10.261, Главный Штабъ имѣетъ честь увѣдомить, что требуемыя для приложенія къ полисамъ о застрахованіи скрѣпленій Новороссійскаго завода, отправленныхъ въ Узунъ-Ада, двѣ гербовыя марки по 80 коп., представлены Правленіемъ Россійскаго общества страхо-

ванія кладей и погашены 20-го сего октября. Начальникъ отдѣла Генеральнаго Штаба генералъ-лейтенантъ *Головинъ*».

Я мысленно сосчиталъ: если 10.621 номера исходящихъ бумагъ раздѣлить на десять истекшихъ мѣсяцевъ года, то получится 1.061,—число бумагъ, отправляемыхъ въ мѣсяцъ. И, если сдѣлать совершенно точный разсчетъ по днямъ, получится на *одинъ* день (10.621 : 250 = 42,1) — 42 *бумаги* [1]), обдуманныя, составленныя, переписанныя, отправленныя каждая въ мѣсто особаго своего назначенія. Я очень смутился за генералъ-лейтенанта Головина; я подумалъ: онъ долженъ страдать неврастеніей. Но это смущеніе было лишь на минуту: я почувствовалъ страхъ за себя, за свою маленькую уютную квартиру, за крѣпость ея стѣнъ; я сталъ бояться австрійскихъ и прусскихъ пушекъ. Мысль, что двѣ гербовыя марки приклеены къ страховому полису въ Узунъ-Ада, не могла меня успокоить...

[1]) Изъ 294 дней года здѣсь исключены 44 воскресенья, но не исключены остальные, еще многочисленные «табельные дни» и большіе церковные праздники.

I

Потокомъ не прерывающимся, въ лѣтнее жаркое и зимнее холодное время, въ года ненастій историческихъ и «благорастворенаго воздуха», эти бумаги текутъ, текутъ... Красивый почеркъ, предупредительно-вѣжливая форма, періоды всегда нѣсколько запутанные, но при усиліи понимаемые—циркулируютъ въ необъятной Имперіи. Нѣтъ бурь въ этомъ теченіи: оно невозмутимо, какъ теченіе самого времени; нѣтъ пороговъ, рытвинъ, опасныхъ изгибовъ въ немъ; ни одна страсть въ немъ не отразится, ни гнѣвъ, ни страхъ, ни состраданіе, ни радость. Россія оплакиваетъ Государя; одна струна въ циркулирующемъ токѣ звучитъ, что 1 р. 60 к. съ кого нужно и гдѣ нужно взысканы. И, кажется, не только царствованіе смѣнись, смѣнись самъ вѣкъ, пади монархія и настань республика, возмутись отчаяніемъ или залейся радостью вся земля,—почеркъ не дрогнетъ здѣсь, тусклая рѣчь не станетъ ярче, ни одна бумага не ускоритъ, ни одна не замедлитъ своего теченія.

Мыслью своею я невольно перенесся къ началу нашего вѣка. Тамъ, за рубежемъ его, въ эпическую эпоху отъ Петра и до Екатерины,—какое море праздности и груды великихъ дѣлъ; какъ хорошъ этотъ «великолѣпный князь Тавриды»; какъ хороша «мудрая» и «мать

отечества» [1]), литераторша, вольтельница, придерживавшая за рясу Платона, переписывавшаяся съ Дидеро; какъ чуденъ Петръ со своими «викторіями»; и этотъ Крымъ, такъ смѣло [2]) взятый, этотъ Севастополь, такъ зорко [3]) высмотрѣнный; и битвы, походы, разоренная Польша, обрубленная Скандинавія, и Русь надъ всѣми ими, гордая, властительная, нелѣпая, прекрасная. Какъ весело смѣялись въ тотъ вѣкъ; какія чудныя писалъ оды Ломоносовъ; какіе мускулы были у Орловыхъ. Потемкинъ и Суворовъ встрѣчаются на лѣстницѣ Зимняго дворца:

— «Чѣмъ наградить мнѣ васъ?» — говоритъ фаворитъ.

— «Меня можетъ наградить только Императрица»,— отвѣчалъ гордо [4]) покоритель Измаила.

Великія, милыя тѣни, гордыя воспоминанія нашей родины.

На рубежѣ двухъ вѣковъ выростаетъ фигура Сперанскаго. Тѣнь это или человѣкъ? Вѣрно онъ былъ лимфатиченъ; и, конечно, на плечѣ Орлова росло больше

---

[1]) Титулы, поднесенные Екатеринѣ II-й Сенатомъ.

[2]) Сравни мысленно веденіе дѣлъ при занятіи Крыма съ аналогичною робкою попыткой въ недавнее время овладѣть Кульджей.

[3]) Сравни мысленно съ нерѣшительными и неумѣлыми попытками въ наше время выбрать мѣсто для военнаго порта въ Балтійскомъ морѣ.

[4]) За этотъ отвѣтъ, котораго до конца жизни не могъ забыть герою Потемкинъ (и герой зналъ, что ему это не будетъ прощено), онъ нѣсколько лѣтъ долженъ былъ размѣрять версты въ Финляндіи, или что-то въ этомъ родѣ. Мы указываемъ на *живость и силу страстей*, дурныхъ и благородныхъ, того времени.

мяса, чѣмъ на всей его тощей фигурѣ. Что́-бы онъ сталъ дѣлать около Петра?—тотъ разсмѣялся бы надъ нимъ гомерическимъ хохотомъ. Зачѣмъ-бы онъ былъ Екатеринѣ?...

Уже въ 1802—3 году онъ «считался первымъ перомъ» въ Петербургскихъ канцеляріяхъ [1]); молва о немъ неслась изъ улицы въ улицу, изъ-подъ однихъ темныхъ, сырыхъ сводовъ—подъ другія. Какъ удивителенъ, новъ для всѣхъ былъ этотъ Владимірскій семинаристъ, изучавшій логику и гомилетику, оставившій въ назиданіе потомства книгу о «правилахъ высшаго краснорѣчія» [2]). Грубые мужланы въ золоченыхъ кафтанахъ и пудреныхъ парикахъ не понимали, какъ можно было въ замѣнъ *вещи* сдѣлать объектомъ своимъ *слово*, и *работу* надъ вещью замѣстить *обдумываніемъ* этого слова, съ надеждою, и очень вѣроятною, получить тотъ же результатъ и даже иногда большій. По крайней мѣрѣ этотъ результатъ былъ больше упорядоченъ и, главное, съ помощью новой цѣпи словъ—онъ былъ способенъ къ дальнѣйшему развитію, къ развитію безконечному почти, насколько человѣкъ неистощимъ въ комбинированіи словъ. *Предметы*, *факты*,—эта неудобная, косная дѣйствительность—замѣнилась всюду гибкимъ, подвижнымъ *именемъ* вещи, *понятіемъ* ея; ихъ неподатливая связь, эта связь *само*-живущая, замѣнилась логическою связью, пассивно послушною въ умѣ обдумывающаго. Не-

---

[1]) Замѣчаетъ его біографъ, баронъ Корфъ; см. его «Жизнь графа Сперанскаго».

[2]) «Правила высшаго краснорѣчія. Сочиненіе Михаила Сперанскаго. Спб. 1844». Это сочиненіе было написано Сперанскимъ на 21 году жизни и опубликовано потомъ однимъ ревнителемъ его памяти.

много усилій надъ этою связью, труда надъ этой запутанной бумагой,—и все измѣнится, потечетъ по новому руслу, къ цѣлямъ другимъ, которыя нужны, которыя ласкаютъ ожиданія и такъ живо бодрятъ трудъ, наконецъ не тягостный, не грязный и вмѣстѣ такъ ярко, такъ очевидно успѣшный...

Сперанскій былъ волшебникомъ, открывшимъ этотъ секретъ, онъ былъ Гуттенбергомъ новой администраціи. Поля сырыя, хмурое небо, трудъ до мозолей и подъчасъ—зуботычины, всѣ эти «элементы варварства прошлаго вѣка» отошли въ преданія, какъ передъ книгопечатаніемъ отступили въ преданіе stilus древнихъ римлянъ или палочка, обмокнутая въ краску, старыхъ лѣтописцевъ-монаховъ. Какъ и послѣдній канцелярист, царственный обладатель невоздѣланнаго полу-міра былъ увлеченъ и очарованъ новымъ изобрѣтеніемъ,—и не только въ силу его великихъ обѣщаній, но и особенностей своей натуры: Гамлетъ по характеру и въ положеніи Агамемнона, онъ чувствовалъ потребность уклониться, уйти куда-нибудь, подумать, отдаться мыслямъ,—и мыслямъ не всегда относящимся къ этому неотложному дѣлу. И вотъ теперь—эта положенная на столъ бумага не видѣла его смущенія; не укоряла даже про себя за странное и прихотливое теченіе мысли; она не торопила даже; она не протестовала, когда рѣшеніе было уклончиво, не ясно, и предоставляло поступить кому-то тамъ, далеко, на мѣстѣ—*такъ* и *этакъ* и иногда совсѣмъ *никакъ*. Важно было, что нѣжная и робкая духовная организація не имѣла около себя ничего рѣзкаго. Дѣйствительность... она не кричала болѣе, что ей нуженъ отвѣтъ; не ругалась, не дралась, не лѣзла на носъ: опасный и непріятный санкюлотъ исто-

ріи, она была отведена нѣсколько въ сторону, на почтительное разстояніе, дабы не мѣшать озабоченной мысли, не смущать ее, не разсѣивать; и, наконецъ, для того, чтобы за днемъ заботъ не слѣдовала встревоженная ночь [1]).

[1]) При Екатеринѣ или Петрѣ, вообще при государяхъ этого *типа*, дѣятельность Сперанскаго была-бы или невозможна, или не привилась-бы, не пустила корней въ будущее, и даже едва-ли была-бы очень замѣтна;—приравнялась бы къ дѣятельности напр. кн. Вяземскаго во 2-ю половину XVIII вѣка. Мы хотимъ сказать, что таланты Сперанскаго въ высшей степени отвѣчали, гармонировали недостаткамъ Александра I-го, какъ бы замѣняли ихъ собою, и дѣлали неощутимыми. Вотъ отчего, въ этотъ моментъ появившись около трона, они такъ привились къ нашей исторіи.

II

«Онъ палъ, но дѣло его осталось»—говоритъ исторія о многихъ своихъ геройхъ и повторяетъ у насъ о Никонѣ, могла бы еще съ бо́льшимъ правомъ повторить о мужѣ пера и бумаги. Сперанскій палъ, но новые дворцы воздвигались и населялись новыми жителями. Яркія люстры въ нихъ не горятъ, музыка не оживляетъ ихъ своимъ громомъ, красавицы не входятъ и не выходятъ изъ нихъ: въ 11 часовъ утра и въ 5 вечера ползутъ темныя тѣни къ этимъ дворцамъ и обратно отъ нихъ,—угрюмыя, сосредоточенныя, съ какимъ-то выцвѣтшимъ, неопредѣленнымъ цвѣтомъ лица, безъ улыбки, безъ словъ, безъ боли, гнѣва, любви. Какъ необозримы ихъ толпы: въ два указанные часа населеніе Петербурга точно удвоивается, улицы запружены, конки изнемогаютъ, сани, извощики — все облѣплено. И какъ необъятны эти дворцы!

— «Чей это домъ?» — спрашиваете вы робко швейцара, едва охватывая глазомъ необъятную махину въ три этажа [1]).

— «Министра государственныхъ имуществъ».

---

[1]) На Маріинской площади, между Большой Морской ул. и Мойкой.

— «То-есть Министерство государственныхъ имуществъ?»—думаете вы поправить.

— «Нѣтъ, только *квартира* министра».

— «То-есть, конечно, съ канцеляріей?»—все еще недоумѣваете вы.

— «Нѣтъ, канцелярія министерства—вотъ, напротивъ».

И, оглядываясь черезъ Маріинскую площадь, вы съ изумленіемъ видите сѣрое трехъ-этажное зданіе, болѣе массивное, чѣмъ Московскій университетъ, я хочу сказать—чѣмъ новое его зданіе, для трехъ факультетовъ выстроенное, и столь знакомое и дорогое Россіи...

— «Какъ длинно вотъ это зданіе...» Канава, кажется Фонтанка или Мойка, изгибается—и по ея берегамъ, загибаясь туда и сюда, тянется каменною веревкою зданіе. Товарищъ мой быстро соскочилъ съ извощика и юркнулъ въ крыльцо.

— «Куда вы ходили?»—спрашиваете вы его черезъ минуту, видя возвращающимся съ книгой.

— «Да это же Канцелярія министерства финансовъ, гдѣ я занимаюсь».

«Канцелярія...» Какъ это ново для провинціала, который привыкъ видѣть канцелярію *при чемъ-нибудь*,—*при* гимназіи, *около* округа, *возлѣ* университета. Здѣсь канцелярія ни при чемъ не стоитъ, ни къ чему не придѣлана. Все *къ ней* придѣлано, она *автономировалась*, стала аутокефальна—и вотъ въ чемъ дѣло Сперанскаго, тайна его историческаго властительства, властительства даже изъ-подъ земли, изъ гроба;—важнѣйшій фактъ вѣковъ истекшаго и наступающаго.

Автономировалась и овладѣла,—и отечество стало обладаемымъ...

III

— «Николай Ѳедоровичъ, да пойдемте играть въ шашки», — говорилъ, отворивъ дверь класса, молодой, 32-хъ-лѣтній инспекторъ прогимназіи въ Брянскѣ, обращаясь къ старому преподавателю.

— «Да какъ же, Сергѣй Николаевичъ, ученики-то? Мы вотъ непрерывныя дроби»...

— «Да Александръ Максимовичъ (надзиратель) посидитъ съ ними», -отвѣчалъ, не смущаясь разинутыми ртами учениковъ, начальникъ школы, присланный изъ административнаго центра.—И уводилъ къ себѣ, въ квартиру, за шашечный столъ, преподавателя.

Это было, — точнѣе, такъ *бывало*,—лѣтъ 11—12 назадъ, въ маленькомъ уѣздномъ городкѣ, однако не глухомъ, на желѣзной дорогѣ, съ громадными заводами въ окрестностяхъ. «Городокъ» уплачивалъ 3.000 рублей субсидіи въ годъ; городокъ ходатайствовалъ, нельзя-ли субсидію взять обратно, ибо -«нужда», «налоги», «упавшая торговля», а изъ учениковъ прогимназіи кто ни поѣдетъ продолжать курсъ въ сосѣднюю полную гимназію—вернется обратно, исключится за неуспѣшность, и, вообще, окажется къ ученію дальнѣйшему вовсе не приготовленнымъ. Былъ, кажется, даже случай перевода обратно ученика изъ пятаго класса въ четвертый, въ

Орлѣ или въ Смоленскѣ. Дѣти мѣщанъ, лавочниковъ, мастеровыхъ, 3—4 мальчика изъ мелкихъ чиновничьихъ семей, выучивались тройнымъ правиламъ и дробямъ, глаголамъ греческимъ, латинскимъ, французскимъ, нѣмецкимъ, африканскимъ и австралійскимъ рѣкамъ, консуламъ и эфорамъ, папѣ Григорію VII-му и Аннѣ Болейнъ... Родители приходили, недоумѣвали, молили; родители негодовали; всѣ имъ смѣялись въ отвѣтъ: «что же можно сдѣлать, когда уже все *скрѣплено подписомъ*» [1]), и ваши тысячи припечатаны къ ненужному дѣлу, и къ вашимъ дѣтямъ припечатаны имъ ненужные недоумѣнные папы и консулы, и мы сами къ этимъ консуламъ припечатаны, и вотъ, видите, скучая вами и ими, развлекаемся въ шашки...

Между прочимъ, въ прогимназіи этой была богатая библіотека, которую мнѣ пришлось ревизовать [2]): тутъ были необозримые томы «Dictionnaire de chimie», кажется, Вюртца; какія-то книги по французской технологіи, съ образцами шерстяныхъ матерій, приклеенными на самыхъ страницахъ текста; «Mécanique céleste» Лапласа; историческій словарь французскаго языка—Литтре; чудныя, съ гравюрами прошлаго вѣка, фоліантныя изданія Виргилія, Овидія; «Thesaurus linguae graecae», одно занимавшее нижнее отдѣленіе цѣлаго шкафа и стоившее что-то между 600 и 900 рублей. Конечно, всѣ эти книги никогда не трогались съ мѣста; меня удивило, что въ библіотекѣ не только нѣтъ Пушкина (тогда не находившагося въ продажѣ), но и вездѣ продававшихся —Островскаго, Достоевскаго, Л. Толстаго. Я предложилъ выписать послѣднихъ.—«Но вѣдь это -беллетристы

---

[1]) Канцелярскій терминъ.

[2]) Послѣ смерти библіотекаря, Ал. М. Иванова.

только [1]), а не писатели», разъяснилъ Совѣту любитель шашекъ и французскаго языка, и рѣшительно воспротивился ихъ пріобрѣтенію въ библіотеку.

Когда прогимназія была закрыта [2]), мнѣ было любопытно знать судьбу этой богатѣйшей, рѣдкостной, если не по пользѣ, то по роскоши, библіотеки: ея послѣдній инспекторъ, И. И. Пѣкинъ мнѣ сообщилъ, что она была *свалена безъ счета и провѣрки* въ чуланы мѣстнаго городского училища [3]). И, между тѣмъ, достаточно было,

---

[1]) Словесность изящная, французская и нѣмецкая, были въ полномъ объемѣ представлены въ библіотекѣ, до Массильона французской литературы и философа Мендельсона—нѣмецкой. Отсутствіе въ библіотекѣ русскихъ классиковъ товарищи объясняли мнѣ чрезмѣрнымъ пренебреженіемъ начальника школы къ русской литературѣ, какъ имъ казалось—«отъ блестящаго домашняго воспитанія, имъ полученнаго» (онъ былъ изъ очень богатой семьи и гимназическій курсъ проходилъ дома). Но, за нечитаемостью никѣмъ французскаго и нѣмецкаго отдѣловъ библіотеки, ясно было, что ихъ raison d'être заключался въ мелкомъ тщеславіи, въ тщеславіи на часъ, утонченно образованнаго администратора, желавшаго показать педагогическому совѣту въ день обсужденія вопроса о томъ, какими книгами слѣдуетъ пополнить библіотеку, степень своей ознакомленности съ иностранной литературой. Богатство средствъ, расходовавшихся на библіотеку, объясняется тѣмъ, что классы прогимназіи открывались постепенно, а ассигнуемая на содержаніе ея сумма шла съ перваго же года въ полномъ составѣ, и громадный остатокъ перечислялся въ такъ-называемыя «спеціальныя средства» заведенія, которыя имъ и расходовались по усмотрѣнію, лишь съ одобренія учебнаго округа.

[2]) За изсякновеніемъ учениковъ: родителя, не зная, какъ справиться съ прогимназіей, перестали отдавать въ нее дѣтей,—отвозя ихъ прямо въ ближайшій городъ, въ полную гимназію. Случай такого закрытія—не единственный: такъ съ перваго іюля 1895 года уже испрошено въ законодательномъ порядкѣ разрѣшеніе на закрытіе прогимназій въ Ефремовѣ, Бѣлевѣ и Касимовѣ.

[3]) Прогимназія не имѣла собственнаго зданія и помѣщалась

выйдя за черту города, пройти верстъ 10—12, чтобы встрѣтить деревню безъ букварей, безъ Евангелія, безъ учителя хотя бы въ образѣ стараго дьячка, отставного солдата...

Ежегодно ассигновывалось на прогимназію около 14.000 р.; если изъ этой суммы исключить 3 тысячи, даваемыя городомъ, то останется еще 11 тысячъ государственныхъ средствъ, которыя извлекались изъ этого самаго населенія, безъ букварей, путемъ не менѣе, чѣмъ двадцати двухъ разрѣшеній на продажу «питей» [1]). О, благородный Вюртцъ, ты, можетъ быть, не писалъ бы своего «Словаря», еслибы предвидѣлъ столь чрезмѣрное къ нему почтеніе; и вы, Mommsen und Markwart [2]), менѣе восхищались бы своимъ монументальнымъ трудомъ, если бы знали, куда и для чего судьба иногда занесетъ его.

въ квартирѣ; при закрытіи, поэтому, имущество ея должно было быть куда-нибудь перенесено; и перенесено было, по распоряженію высшаго начальства, въ городское училище, подвѣдомственное тому же министерству.

[1]) Это всегда слѣдуетъ помнить, и особенно слѣдуетъ припомнить теперь, въ виду начавшихся толковъ объ изданіи закона «объ обязательномъ обученіи» (см. наивныя статьи г. Сентъ-Илера въ «*Новомъ Времени*» отъ 14 и 15 декабря 1894 г., благодушно и безсознательно повторяемыя и въ остальной прессѣ).

[2]) Авторы волюминозной «Исторіи римскаго права», на нѣмецкомъ языкѣ, тоже бывшей въ библіотекѣ. Сверхъ этого я припоминаю, что въ классической *четырехклассной* прогимназіи были *спеціальные* словари къ отдѣльнымъ классикамъ, напр. къ Цицерону,—чтеніе котораго даже *не начиналось* въ учебномъ заведеніи. Этотъ «Словарь къ Цицерону», какъ у насъ-бы «Словарь къ Пушкину», былъ въ нѣсколькихъ томахъ.

IV

... 3-го октября, въ часъ дня, въ актовомъ залѣ Петербургскаго университета происходилъ блестящій диспутъ: молодой и популярный профессоръ государственнаго права, г. Коркуновъ, защищалъ диссертацію «Указъ и законъ»; оппонировали ему профессора Сергѣевичъ и Бершадскій, изъ нихъ первый—уже не первое десятилѣтіе признанное свѣтило русской юридической науки. Много страннаго, однако-же, услышала здѣсь публика: изъ возраженій г. Сергѣевича оказалось, что, написавъ толстый томъ о двухъ маленькихъ словахъ, докторантъ нигдѣ не далъ опредѣленія главнаго понятія, имъ проводимаго въ книгѣ и отстаиваемаго—*о соединеніи властей*; и на прямой вопросъ оппонента, что онъ подъ этимъ разумѣетъ, краснѣя и путаясь, онъ не далъ отвѣта. Приводилъ онъ въ примѣръ власть римскихъ консуловъ, но здѣсь скорѣе одна власть раздѣлялась [1]) между двумя человѣками, нежели два

---

[1]) И, конечно, проф. Сергѣевичъ былъ правъ: между двумя консулами былъ раздѣленъ *imperium*, сосредоточенный ранѣе въ рукахъ rex'a и слишкомъ опасный въ его одного рукахъ; но г. Коркуновъ могъ бы ему возразить (чего онъ, однако, не сдѣлалъ), что власть rex'a и была моментомъ *соединенія* по отношенію къ позднѣе выдѣлившейся изъ нея власти консульской+*преторской*. Исторія Рима, въ правовомъ отношеніи, есть исторія послѣ-

человѣка соединялись для выполненія одной власти. Проф. Сергѣевичъ торжествовалъ; онъ путалъ и путалъ докторанта, и оба, наконецъ, они запутались на опредѣленіи понятія «власть»: былъ, между прочимъ, поставленъ вопросъ о «власти» гипнотизера надъ гипнотизируемымъ, названы были индусскіе факиры, и оговорено было, что «власть» ихъ—власть, но такъ-какъ буддизмъ, будучи супранатураленъ—недѣйствителенъ, то и власть факировъ—какъ бы не власть, а лишь призракъ власти. Проф. Сергѣевичъ со страстнымъ оживленіемъ заговорилъ о власти хорошенькой женщины надъ мужчиною, и хотѣлъ, чтобы диспутантъ квалифицировалъ эту власть... Началось что-то непонятное, безсмысленное... Диспутантъ былъ въ черномъ фракѣ; длинный рядъ ученыхъ, сидѣвшихъ полукругомъ противъ него, былъ въ синихъ фракахъ, и многіе, между ними г. Сергѣевичъ, со звѣздой...

«Можетъ быть—уже тайные совѣтники», подумалъ я.

— «Господа», вмѣшался старый профессоръ (я спросилъ имя—это былъ г. Дювернуа, и да будетъ ему всяческая честь и похвала)... «господа, рѣчи, которыя я слышу, понятія, которыя развиваются здѣсь—меня удивляютъ... Мы говоримъ объ *юриспруденціи*, диспутъ идетъ на тему о правѣ: и вотъ я не могу себѣ дать отчета, я утверждаю, что самому смыслу «права» не отвѣчаетъ все, о чемъ вы говорите; юриспруденція, самая ея идея,

---

довательнаго дробленія imperium'a (развитіе магистратуры); и, если на нее взирать назадъ, представитъ ступени послѣдовательнаго *соединенія* властей. На диспутѣ проф. Коркуновъ не только не далъ опредѣленія занимающаго его понятія, но и не умѣлъ привести никакого для него примѣра, такъ что получалось такое впечатлѣніе для слушателей, что онъ написалъ книгу, самъ не отдавая себѣ отчета, о чемъ пишетъ.

не *реагируетъ* [1]) и не можетъ реагировать на смыслъ вашихъ словъ...»

Онъ говорилъ мужественно, просто, прямо; наивный (вѣдь и фамилія его звучитъ иноземнымъ), онъ серьезно былъ заинтересованъ идеей своей науки, и не хотѣлъ, чтобы идею теряли, говоря о наукѣ...

Но я былъ гражданинъ и также не хотѣлъ, чтобы теряли идею моего отечества въ моемъ отечествѣ.

---

[1]) Онъ нѣсколько разъ повторилъ этотъ терминъ, и онъ чрезвычайно удачно выражаетъ положеніе и характеръ преній на диспутѣ. Г. Сергѣевичъ, который утопалъ въ своемъ краснорѣчіи, видимо былъ чрезвычайно недоволенъ «безтактнымъ» вмѣшательствомъ стараго коллеги.

V

О, я и всегда думалъ, уже давно, что въ университетахъ нашихъ, о чемъ никто не догадывается, вовсе нѣтъ самой *идеи науки;* что, до нѣкоторой степени, это есть учрежденіе *безотчетное*, практически нужное конечно, но въ главномъ, теоретическомъ отношеніи,— не представляющее никакой цѣны. Это великій эмпирикъ Ломоносовъ — виновенъ тутъ: свѣтлою мыслью, крѣпкимъ умомъ вознесся онъ надъ всею Русью; и какъ достоинства, такъ и недостатки ума своего сообщилъ и позднимъ поколѣніямъ надолго, сообщилъ любимому дѣтищу своему,—университету. «Какъ міръ громаденъ и чуденъ, ступай и изучай его!» —это чувство, такъ прекрасное, такъ благородное, которое и его, бѣднаго мальчугана, пригнало съ береговъ Сѣвернаго моря въ Москву, было завѣщано имъ, какъ единственное, поколѣніямъ послѣдующихъ нашихъ ученыхъ. «Ступай и изучай»... *какъ? что?* — этихъ тревожныхъ и замедляющихъ вопросовъ недоставало ни его непосредственной натурѣ, ни, тѣмъ менѣе, натурѣ ихъ. «Для *чего* я буду изучать? какой именно смыслъ въ *томъ* и *этомъ* изъ бездны удивительныхъ знаній, мнѣ открываемыхъ природой?» —этого вопроса, этой оглядки на себя, на свой трудъ, расчленяющаго взгляда на самый міръ, въ немъ не было. Какъ Аладинъ при блескѣ волшебной лампы изумленно оглядывалъ внезапно открывшіяся

ему сокровища и еще ничего не думалъ объ ихъ употребленіи, такъ оглядывалъ при свѣтѣ ума своего, религіозно настроеннаго [1]) и *не аналитическаго*, основоположникъ науки нашей природу, благоговѣя, чудясь [2]), догадываясь и не размышляя:

«Коль многи смертнымъ неизвѣстны
«Творитъ природа чудеса [3])

— эта мысль, скорѣй ощущеніе—есть въ немъ центральное, и оно исключало, дѣлало до времени ненужнымъ самый вопросъ о видимомъ, о его граняхъ и связяхъ. «Что̀ именно я вижу, до какихъ *предѣловъ*?» — какіе безсмысленные вопросы, когда богатства неисчислимы, границъ нѣтъ, и, главное, нѣтъ границъ восторгу, тѣснящему грудь при ихъ зрѣлищѣ:

«Восторгъ внезапный умъ плѣнилъ

— какъ говоритъ онъ о себѣ въ одной одѣ... [4]).

И насъ всѣхъ плѣнилъ онъ этимъ своимъ «плѣненіемъ»: заслуга нравственная скорѣе, нежели умственная,

---

[1]) Изъ писателей XVIII вѣка Ломоносовъ есть не только самый серьезный, но самый религіозный: удивительны его труды, положенные на переложеніе частей Псалтири (псалмовъ I, XIV, XXVI, XXXIV, LXX, CXLIII, CXLV) и книги Іова (главы 39—41), и также нѣтъ ни одного изъ его ученыхъ разсужденій-рѣчей, гдѣ мы не имѣли бы или не чувствовали постояннаго религіознаго настроенія, которое, очевидно, не покидало творца ихъ во всѣхъ его изысканіяхъ, при всякой работѣ.

[2]) См. его оды «Утреннее размышленіе о Божіемъ величествѣ» и «Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ, при случаѣ великаго сѣвернаго сіянія».

[3]) Изъ оды на день восшествія на престолъ Государыни Елизаветы Петровны.

[4]) «На побѣду надъ турками при Хотинѣ», первая строка.

принадлежитъ ему единственно въ исторіи. Онъ былъ основателемъ высокаго *культа къ наукѣ*, которому въ теченіе полутора вѣка никто не смѣлъ измѣнить у насъ; но, не измѣняя, никто не умѣлъ и служить ему, потому-что мысли о самомъ предметѣ культа онъ намъ не оставилъ. Не было огранённости въ его безформенномъ чувствѣ науки, не было въ этомъ чувствѣ понятій, которыя, цѣпляясь съ нашею мыслью, вызывали бы въ ней вопросъ за вопросомъ, задачу за задачею, рѣшая которую мы изощрялись бы въ силахъ, возрастали бы въ воззрѣніяхъ на міръ, и, возростая, не утомлялись бы...

Отъ этого въ исторіи нашей его свѣтлый умъ, его живое исканіе, остались какимъ-то обрубленнымъ фактомъ, безъ развитія, безъ *школы*, только съ длящимся позади его впечатлѣніемъ удивленія и уваженія [1]). Онъ заразилъ насъ чувствомъ, но не далъ мысли; показалъ великій примѣръ, которому слѣдоватъ не научилъ, не далъ способа, не указалъ возможности. Скажемъ болѣе: примѣромъ факта великаго безъ всякой содержащейся въ немъ мысли, онъ легъ камнемъ на науку нашу, вокругъ котораго не зажурчала, не могла зажурчать никакая живая струя. «Есть силы такія же, какъ у него—то открывай также, какъ онъ», вотъ единственное поученіе, которое онъ оставилъ собою. Но ни одному слабому онъ не помогъ; ни одной теряющейся мысли

[1]) Замѣчательно, что при празднованіи юбилея его многочисленныя ученыя и научныя учрежденія, принявшія въ этомъ празднованіи участіе, не сумѣли, не нашлись высказать объ немъ или по поводу его никакой опредѣленной, понятной, сколько-нибудь расчлененной мысли. То-же неопредѣленное удивленіе черезъ 100 лѣтъ *къ нему*, каково было и его общее и неопредѣленное удивленіе *къ природѣ*

не указалъ путь; живому уму не далъ въ лабиринтъ знанія никакой Аріадниной руководящей нити. Онъ ожидалъ, что

можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ

рождать русская земля: увы, за нимъ потянулся, и чѣмъ далѣе, тѣмъ утончаясь, истощаясь, рядъ такихъ жалкихъ плагіаторовъ слова, если не слова—то мысли, не самой мысли — то метода, какихъ еслибы предчувствовала его душа — онъ понялъ бы, что не зачѣмъ было ему бѣжать съ Ледовитаго океана въ Москву, ни, позднѣе,—спѣшить съ такими надеждами съ дальнаго Запада на родину... Онъ не отчаялся—благодареніе его великодушію; онъ надѣялся—весь вѣкъ его надѣялся, какъ этотъ Потемкинъ въ безсонныя ночи, когда онъ обдумывалъ свой «греческій проектъ», Суворовъ мальчикомъ еще—«стать Аннибаломъ своего отечества», и въ зрѣлыхъ, и въ болѣе чѣмъ зрѣлыхъ лѣтахъ Екатерина, Павелъ—«спасти Европу отъ самое себя».

Смысломъ, содержаніемъ своимъ онъ не переступалъ за содержаніе XVIII-го вѣка; какъ и весь этотъ вѣкъ, онъ обращенъ былъ къ его началу, исходной точкѣ—къ всеоживляющему образу Петра, который и былъ одинъ только великимъ, оригинальнымъ лицомъ въ этотъ вѣкъ. Онъ нѣсколько поздно родился; онъ—не поспѣвшій къ дѣлу сподвижникъ преобразователя, почти плачущій, что уже минула минута и онъ никогда не отвѣтитъ покорностью, робкимъ взглядомъ, трепетнымъ исполненіемъ на мановеніе истинно великаго человѣка:

«Блаженны тѣ очи, которыя божественнаго сего мужа на землѣ видѣли!

«Блаженны и преблаженны тѣ, которые потъ и кровь свою съ Нимъ и за Него и за Отечество проливали, и которыхъ Онъ за

вѣрную службу въ главу и въ очи цѣловалъ помазанными Своими устами» [1]).

Какъ это живо; это—почти грёзы человѣка съ открытыми глазами; онъ говоритъ «Слово»,—пространное, умное, одушевленное, и, его заканчивая, какъ-бы воочію видитъ своего кумира, драгоцѣннѣйшее сокровище своего сердца: -сокровище и исторіи нашей, и изъ насъ всякаго, кто благороденъ.

И, однако, какъ Петръ былъ великъ натурою цѣлостною своею и нисколько не умомъ, такъ великъ порывомъ только своимъ и нисколько не мыслью Ломоносовъ. Какъ Преобразователь, сбросивъ ветхій, старческій образъ Москвы [2]) съ себя, съ Россіи, этотъ жестъ сбрасыванія одинъ завѣщалъ намъ и мы съ тѣхъ поръ и до нашего времени не можемъ, не умѣемъ надѣть на себя никакого другаго сколько-нибудь опредѣленнаго образа; такъ творецъ грамматикъ, одъ, «лѣтописцевъ» [3]), «надписей» не сказалъ слова, не подумалъ мысли, которая въ насъ стала бы живымъ содержаніемъ и охранила

---

[1]) «Слово третіе, о пользѣ химіи, сентября 6 дня 1751 года говоренное», стр. 261 «Собранія разныхъ сочиненій въ стихахъ и въ прозѣ господина коллежскаго совѣтника и профессора Михайла Ломоносова», Москва, 1757 года.

[2]) Но не Россіи, въ цѣлостномъ ея составѣ, въ цѣлостномъ теченіи ея исторіи. Подъ вліяніемъ нужды, подъ ношею временной миссіи, Россія какъ-бы состарѣлась, сгорбилась, окостенѣла въ Москвѣ. И какъ совершенный восторгъ къ ея историческому подвигу, такъ и совершенное отвращеніе къ ея внѣшнему виду (теперь, когда плоды ея труда уже у насъ въ рукахъ) не исключаютъ нисколько другъ друга, но оба требуются любовью къ землѣ своей и пониманіемъ ея исторіи.

[3]) Сокращенные экстракты изъ лѣтописей образовали первоначальную форму науки русской исторіи; таковъ у Ломоносова: «Краткой россійской лѣтописецъ съ родословіемъ», Спб. 1760.

бы насъ отъ послѣдующаго паденія. Оба суть въ точномъ смыслѣ «герои», творители дѣлъ, которыя не имѣютъ [1]) никакихъ послѣдствій. Гора свалена;—ну и что́ же? Рухнула Москва, оды прошумѣли, грамматики переплетены и поставлены на полки библіотекъ... и что́ же, мы будемъ творить еще грамматики? рушить съ такимъ же восторгомъ?.. Но что́, наконецъ, рушить? свое собственное дѣло?..

Отсюда, отъ завѣщаннаго *подвига* въ наукѣ безъ завѣщанной *идеи* науки, послѣдующее безмысліе... Университеты основываются, каѳедры въ нихъ множатся,—когда мы не знаемъ, для чего существуетъ даже одинъ. *Практически* мы знаемъ это, и это не имѣетъ значенія; *теоретически*—это одно могло-бы имѣть значеніе, и этого мы не знаемъ. Мы все еще какъ и при Ломоносовѣ удивляемся «природѣ»; питаемъ какъ онъ-же культъ «науки»; удивляемся такъ долго, такъ долго хранимъ этотъ культъ безплодный, что сердце наконецъ устало и губы складываются въ благоговѣйную улыбку нѣсколько фальшиво...

И еще позднѣе, на нашихъ глазахъ,—эти заброшенныя аудиторіи [2]), эти незнающіе, что́ дѣлать со ску-

---

[1]) Implicite, *въ себѣ*, не содержатъ: отрицательно, и внѣ преднамѣренія творца своего, они, конечно, влекутъ за собой обильныя послѣдствія.

[2]) Не рѣдкимъ явленіемъ было уже въ мою пору ученія (78—82 гг.), что, записавшись на факультетъ, студентъ бралъ продолжительный отпускъ подъ какимъ-нибудь предлогомъ и возвращался на родину, гдѣ давалъ уроки, чѣмъ-нибудь занимался; и въ университетъ пріѣзжалъ лишь къ экзамену, къ которому быстро приготовлялся по литографированному курсу, и, сдавъ этотъ экзаменъ, снова возвращался на родину, чтобы на слѣдующій годъ повторить то-же. Но и остававшіеся въ университетскомъ городѣ студенты почти также мало принимали участія въ обще-универси-

чающими слушателями профессора [1]); эта неспособность

тетской жизни. Лишь съ начала великаго поста аудиторіи начинали нѣсколько наполняться слушателями, желавшими заблаговременно пріучить глазъ профессора къ своему лицу, и выдѣлиться по крайней мѣрѣ прилежаніемъ передъ тѣми студентами, которые появлялись на лекціи къ сроку самыхъ экзаменовъ, недѣли за 2—3 до нихъ. Принимая во вниманіе связность и послѣдовательность каждаго годового курса лекцій, можно предположить, что и это время передъ экзаменами студенты собственно присутствовали на лекціяхъ, но ихъ не слушали (такъ какъ не понимали-же). Тутъ, въ эти недѣли, начинали выходить ускоренно и лекціи (литографированныя), которыя живо разбирались и заучивались на дому.

[1]) Собственно вопросъ этотъ, т. е. что, наконецъ, дѣлать, когда приходящіе, повидимому, учиться — учиться въ дѣйствительности не хотятъ, былъ, кажется, мучительнымъ вопросомъ для всѣхъ серьезныхъ пфессоровъ, строго относившихся къ своему курсу (т. е. къ себѣ, какъ автору курса); и нѣчто въ родѣ недоумѣнія по этому поводу мнѣ приходилось слышать отъ глубоко чтимаго мною наставника, профессора всеобщей исторіи въ Московскомъ университетѣ Влад. Ив. Герье: «Конечно, если они не хотятъ слушать, разъ ихъ не интересуетъ наука,—не тащить же ихъ насильно въ аудиторіи; и чѣмъ же, если не такимъ насильственнымъ натаскиваніемъ на науку, была бы всякая внѣшняя мѣра противъ непосѣщенія лекцій» (предполагалось гдѣ-то кѣмъ-то переписываніе не посѣщающихъ лекціи студентовъ, запрещеніе литографированія лекцій и т. д.). Собственно, положеніе этихъ строгихъ (къ себѣ) профессоровъ было трагично, и желчь невольно поднималась противъ индивидуумовъ, противъ лица человѣческаго. Но, очень долго, очень внимательно подумавъ надъ этимъ вопросомъ, приходила иногда и такая мысль: но почему они (студенты) *должны хотѣть* слушать? Что «читаемое вообще будетъ умно»? Но вѣдь «мало-ли умнаго на свѣтѣ, всего не переслушаешь, да и послушаю завтра, черезъ 5—10 лѣтъ; прочту гдѣ-нибудь въ книгахъ». Или что «это нужно для образованія»?—«Ну, я не такъ ужъ необразованъ, чтобы торопиться сейчасъ до чего-го, до какой-то никому неизвѣстной мѣрки дообразовываться». Словомъ, все это очень и очень неопредѣленно, и не принудительно дѣйствуетъ на *этотъ* часъ, въ *эту* минуту, когда хотѣлось бы поиграть на бильяр-

заинтересовать, невозможность заинтересоваться [1]); неоконченныя диссертаціи [2]), диссертаціи обѣщанныя и не выходящія [3]); реторика, обманъ, безплодіе и, нако-

---

дѣ, пойти къ пріятелю, полежать на постелѣ. Съ этой постели, отъ пріятеля, изъ бильярдной не гонитъ меня никакое *опредѣленное любопытство ума*, которое безпокоило бы, дразнило, раздражало, и, раздражая, не оставляло бы возможности сидѣть дома, гнало бы бѣжать въ аудиторіи. Съ этической точки зрѣнія вся правда, конечно, была на сторонѣ тѣхъ строгихъ старыхъ профессоровъ, которые (по выраженію швейцара аудиторій) «жевали» студентовъ на экзаменѣ; съ логической, пожалуй съ историко-метафизической точки зрѣнія—это былъ не возмущенный еще духомъ исторіи покой водъ; и кто хотѣлъ, чтобы онѣ бурлили, долженъ былъ имѣть силы поднять ихъ, стать посланцемъ этого нами названнаго духа. Такихъ посланцевъ нашъ университетъ не видѣлъ; имъ не былъ, мы утверждаемъ, и Ломоносовъ. Имъ были, скорѣе, такіе люди, какъ Лобачевскій, какъ Станкевичъ.

[1]) Въ бесѣдахъ съ однимъ уважаемымъ ученымъ и критикомъ мнѣ неоднократно приходилось касаться этой больной и странной стороны университетской каѳедры.—«Но вѣдь профессуры не ищутъ», говорилъ онъ мнѣ, «наиболѣе даровитые изъ слушателей университета, но только—люди упорные въ трудѣ! Что можетъ она дать въ замѣнъ того, что всякій даровитый студентъ *теперь* находитъ, по окончаніи курса, на иныхъ болѣе свободныхъ и многозначительныхъ поприщахъ жизни—адвокатуры, медицинской практики, государственной службы? Профессоръ—вѣчный и подневольный труженикъ, ничѣмъ почти за это труженичество не вознаграждаемый». Несомнѣнно, однако, что между 50—70 годами на каѳедру всходили, подъ временнымъ и сильнымъ дуновеніемъ разныхъ благопріятныхъ вѣтровъ, истинные таланты. Приведенное объясненіе можно отнести лишь къ историческимъ буднямъ, какіе затѣмъ настали.

[2]) Напримѣръ, «Исторія англійской этики» профессора Казанскаго университета, г. Смирнова, первый томъ, который былъ написанъ для полученія степени доктора философіи, и за нимъ ничего не послѣдовало.

[3]) Въ журналѣ «Критическое обозрѣніе», издававшемся въ началѣ 80-хъ годовъ кружкомъ профессоровъ въ Москвѣ, публи-

нецъ, кощунство — невольное, открытое, какъ этотъ смѣшной диспутъ, который мы здѣсь невольно вспомнили...

ковалось, и неоднократно, г. Викторомъ Михайловскимъ о томъ, что онъ «приготовляетъ къ печати» или «оканчиваетъ» или «окончилъ уже и просматриваетъ» обширный историческій трудъ о Филиппѣ Комминѣ. Очень интересуясь Филиппомъ Комминомъ, я съ нетерпѣніемъ ожидалъ выхода книги, но книга не выходила, хотя извѣщенія о подвигающихся впередъ работахъ прилежнаго московскаго историка время отъ времени появлялись. Выждавъ еще нѣсколько лѣтъ, я справился, не умеръ ли авторъ; но онъ не умеръ. Очевидно, тема ему опротивѣла гораздо ранѣе, чѣмъ онъ успѣлъ ее выполнить, и само избраніе ея не имѣло для себя другихъ причинъ, кромѣ внѣшней подражательности другимъ.

VI

Я читалъ «О разложеніи поземельной общины въ кантонѣ Вадтъ» [1]) и думалъ о нашемъ бѣдномъ сельскомъ мірѣ, о «Государственномъ устройствѣ Женевы во времена Руссо» [2])—и объ устройствѣ нашего департамента, о «Кальвинистахъ во Франціи» [3])—и о своемъ участковомъ приставѣ. Читалъ о знойномъ экваторіальномъ солнцѣ надъ пальмовыми лѣсами—и не могъ не думать о холодномъ, мелкомъ дождѣ, который барабанилъ мнѣ въ шляпу и струился по моимъ щекамъ. Я не хотѣлъ думать о томъ солнцѣ; я его, наконецъ, ненавидѣлъ... Мнѣ хотѣлось какъ-нибудь, чѣмъ-нибудь остановить этотъ дождь.

Я думалъ о трудѣ Сперанскаго; и не о немъ, собственно: вѣдь онъ тоже былъ плагіаторъ [4]) чужой мысли;

---

[1]) Професора Московскаго университета, Макс. Макс. Ковалевскаго.

[2]) Професора Московскаго университета, г. Алексѣева.

[3]) Профессора Кіевскаго университета, г. Лучицкаго. Этотъ трудъ замѣчателенъ тѣмъ, что въ то время какъ въ литературѣ нашей нѣтъ исторіи реформаціи, нѣтъ исторіи кальвинизма, въ книгѣ этой подробнѣйшимъ образомъ разобрана исторія кальвинизма во Франціи, насколько помнится, *за 11 мѣсяцевъ*.

[4]) Извѣстно, что, просмотрѣвъ проектъ новаго «Уложенія», имъ составленный въ двухъ небольшихъ томахъ, Карамзинъ воскликнулъ—«Да это Code Napoléon!». Столь-же извѣстно, что Государственный Совѣтъ, имъ созданный, соотвѣтствуетъ законодательной власти, министерства—исполнительной, и Сенатъ (коего преобразованіе онъ не успѣлъ выполнить) долженъ былъ соотвѣтствовать судебной власти, все—по ученію Монтескье.

я думалъ объ этомъ странномъ, антипатичномъ, повсемѣстномъ строѣ, который, какъ пелена мелкаго, частаго, холоднаго дождя — повисъ надъ всѣмъ цивилизованнымъ міромъ. Объ этихъ міріадахъ чиновниковъ, подъ которыми нѣтъ гражданина, объ отодвинутой въ сторону приходской церкви; думалъ надъ опутанными, какъ тонкою паутиной, сѣтью частыхъ, мелкихъ, детальныхъ вопросовъ—монархами, которые ничего не могутъ и за все отвѣтственны...

«Ваше Величество, здѣсь грязно—посторонитесь...»—«Ваше Величество, Николаевская дорога покупаетъ 10 саженъ земли подъ складъ каменнаго угля у Московско-Курской жел. дороги: на облигаціонный или эксплоатаціонный капиталъ отнести этотъ расходъ?..» [1]).

И еще серіи вопросовъ за этотъ день; и когда, по достаточномъ разспросѣ, они разрѣшены -тысяча бумагъ на завтра потекутъ «къ исполненію». Живутъ департаменты, крушатся страны. Послѣ того какъ 24 часа потрачены на разсмотрѣніе «дѣлъ», не остается 25-го, въ который можно бы подумать: «зачѣмъ, откуда, куда эти дѣла?»

Я думалъ о странной, незамѣченной никѣмъ перемѣнѣ, совершившейся за одинъ-полтора вѣка въ Европѣ; о перемѣнѣ, не замѣченной никѣмъ потому, что она совершалась ежедневно, текла съ медленностью стрѣлки на циферблатѣ столѣтнихъ часовъ.

---

[1]) Случай вопроса, мнѣ детально извѣстный. Миша совершенной покорности волѣ Монарха, «безъ соизволенія котораго ничего не дѣлается», видится за этимъ вопросомъ; и совершенная-же свобода отъ воли Монарха въ принципіальномъ, въ главномъ—въ томъ «лѣсу» жизни, котораго Монархъ не видитъ болѣе за этою передъ нимъ натащенною полѣнницею деревьевъ.

Гдѣ этотъ «король-солнце», какъ Людовикъ XIV? «королева-мать» своего народа, какъ возлюбленная «Бетси» англійская? король какъ вождь крестоносныхъ дружинъ? наконецъ, онъ—хотя бы только какъ средоточіе сверкающаго красотою, умомъ, изяществомъ двора? Какая перемѣна во всемъ: теперь король—самый слабый между своими подданными, который не можетъ даже закричать, когда ему больно, закрыться рукою, когда ему стыдно...

Въ Венгріи маргариновая пакость общественнаго мнѣнія (я говорю о парламентѣ) отмѣняетъ христіанскій бракъ [1]); вчерашній воръ, до завтра пока не уличенный [2]), кричитъ: «я такъ хочу»; задумчивъ, безгласенъ императоръ—старый, говорятъ—въ душѣ истинный христіанинъ, посѣдѣлый въ дѣлахъ совѣта и мира; послѣдній онъ выговариваетъ нерѣшительно, противъ совѣсти: «хорошо, но не болѣе, чѣмъ вы требуете, съ отдохновеніемъ хоть до завтра».

Слабый, жалкій... зачѣмъ ты не бѣжишь изъ Вѣны, изъ постыдныхъ дворцовъ своихъ, куда-нибудь на мельницу, гдѣ ты могъ бы молоть хлѣбъ—*свой* собственный, свободно *для себя* изготовленный, какъ это дѣлаетъ

---

[1]) Законопроекты Векерле, требовавшіе установленія гражданскаго брака и брака смѣшаннаго, христіанъ съ евреями. Теперь они приняты, и изъ-за порицанія имъ, высказаннаго папскимъ нунціемъ, котораго не остановилъ обще-имперскій министръ иностранныхъ дѣлъ, этотъ послѣдній принужденъ былъ выйти въ отставку, несмотря на пользу его для страны и почтеніе къ нему Государя. Т. е. Государь, министръ, нунцій, одни въ цѣлой странѣ не пользуются свободою голоса, свободой *исповѣданія своего убѣжденія*, которою владѣетъ всякій проходимецъ.

[2]) Дѣла Панамское и о шантажистахъ прессы обнаружили, какіе общественные слои группируются около парламента и политической печати.

каждый болѣе тебя счастливый мельникъ въ 3 4 королевствахъ, въ твоей рукѣ безсмысленно соединенныхъ.

О, какъ давно слѣдовало бы монархамъ Европы разбить свой скипетръ, изломать корону [1]), вмѣсто того, чтобы до времени такъ жадно и жалко ихъ удерживать.

---

[1]) Слова эти были написаны мною всего за нѣсколько дней до 5-го декабря 1794 г., когда Казиміръ Перье *бросилъ* свое президентство, съ презрѣніемъ къ нему и негодованіемъ на тѣхъ, кто далъ ему эту странную власть, это положеніе безъ силы, ношу безъ благодарности—игрушку, забавную для многихъ зрителей и очень мало для ея обладателя. Въ новые вѣка это кажется первый случай *игнорированія* человѣкомъ *властолюбивымъ* власти, и я не могу не высказать удивленія и удовольствія, что въ статьѣ, посвященной анализу центральной политической власти въ Европѣ, я взялъ ноты, угадалъ настроеніе, которому фактъ столь новый въ исторіи и коего никакъ нельзя было предвидѣть еще наканунѣ—отвѣтилъ черезъ нѣсколько дней. Читатель безъ труда пойметъ, что незачѣмъ мнѣ было бы говорить въ текстѣ статьи о возможномъ въ Вѣнѣ, еслибы у меня было передъ глазами совершившееся дѣйствительно въ Парижѣ.

VII

Какъ солнце есть источникъ лучей не только свѣтовыхъ, хотя они одни въ немъ видны, но и термическихъ, химическихъ, быть можетъ еще другихъ, менѣе уловимыхъ, и лишь въ синтезѣ ихъ живительно для цѣлой природы,—такъ монархъ въ смыслѣ власти своей несетъ чрезвычайную сложность и лишь въ полнотѣ этой сложности живителенъ, значущъ, твердъ въ судьбахъ своего народа, въ исторіи страны. Всякій актъ въ жизни народной, насколько онъ новъ сравнительно съ предъидущими, усложняетъ, обогащаетъ смыслъ его значенія; и тысячи этихъ актовъ, теряющихся въ памяти народной въ своихъ опредѣленныхъ чертахъ, остаются въ душѣ его какъ представленіе о власти неуловимой и живительной, неопредѣленной и безмѣрной, необходимой практически и вмѣстѣ священной. Въ смыслѣ этой власти отражается смыслъ всей совершившейся исторіи; ея каждое дѣяніе имѣетъ тамъ отложенную отъ себя черту; и какъ въ исторіи народа, бытіе котораго не ограничивается этнографическимъ существованіемъ, есть несомнѣнно провиденціальный характеръ,—этотъ провиденціальный характеръ имѣетъ власть монарха, концентрирующая въ себѣ смыслъ исторіи. Отсюда взглядъ на него какъ на «помазанника Божія», представленіе о власти его какъ о «милости отъ Бога полученной». И весь народъ «помазанъ» къ исторіи Богомъ; онъ—*есть*, про-

должается, совершаетъ дѣянія, а не остается въ грязи невѣдѣнія, молчанія, забвенія вовсе не бѣдными дарами своими, не сцѣпленіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, но Тѣмъ, Кто распредѣляетъ дары, сцѣпляетъ ихъ съ обстоятельствами.

Уяснить эту власть, опредѣлить ее, формулировать,—значитъ ее уменьшить, обѣднить, ограничить. «L'état c'est moi»—это выраженіе не было кульминаціоннымъ пунктомъ въ развитіи монархіи, какъ поняли историки, съ ужасомъ сознали политики: это было ея первымъ *ограниченіемъ*. «*Только* государство—я» это такъ мало; гдѣ же здѣсь отраженныя черты Людовика Св.? побѣды, пораженія, рыцарство, дворъ Франциска I? Развѣ это включаетъ въ себя свѣтлую эпоху французскаго Renaissance? геронзмъ Абеляра, аскетизмъ францискацевъ? Гдѣ, какимъ элементомъ, кроткимъ и прекраснымъ, живутъ тутъ ссора и примиреніе съ Ингебургою Филиппа Августа? «Ты—государство? Итакъ съ Кольберомъ, Лувуа, Вобаномъ, этими скучными чиновниками, ты можешь обсуждать вопросы интендантства, установлять тарифы, подготовлять войны и пить горечь своихъ неудачъ,—*мы* имѣемъ *свою* жизнь, въ которой *замыкаемся* отъ тебя», — говорили немного время спустя салоны, шумѣли энциклопедисты, развивалъ Руссо, доказывалъ въ одахъ, сатирахъ, трагедіяхъ Вольтеръ; «*въ сторонѣ* отъ твоего алтаря мы имѣемъ свои; своимъ богамъ молимся; имѣемъ свою исторію». И когда двѣ независимыя исторіи столкнулись, исторіи разнаго происхожденія, разнаго содержанія, съ разною толпою участниковъ, побѣда не оказалась на сторонѣ болѣе древней, менѣе жизненной, окостенѣлой, презираемой. Но кто хочетъ понять этотъ великій моментъ, долженъ понять процессъ, задолго до него совершившійся и

опредѣлившій возможность самого столкновенія, а не исходъ его.

Фактическимъ революціямъ, какія совершались въ Европѣ съ 1649 года по 1870 годъ, предшествовала незамѣченная революція въ представленіяхъ народныхъ о монархѣ въ смыслѣ указаннаго опредѣленія и съуженія его власти. Карлъ I и Іаковъ II въ Англіи, Людовикъ XVI, Карлъ X, Луи-Филиппъ -во Франціи, Фердинандъ I и Фридрихъ-Вильгельмъ IV—въ Австріи и Пруссіи, были низвергнуты или испытали попытку быть низвергнутыми, какъ *правители* странъ, какъ неудачные *администраторы*, а вовсе не какъ монархи въ томъ обильномъ, не растерянномъ смыслѣ, какъ ими были Константинъ или Ѳеодосій на Востокѣ, Карлъ Великій, Альфредъ, Оттонъ на Западѣ. Мы живо чувствуемъ -революція противъ этихъ послѣднихъ была бы невозможна; невозможна не въ обстановкѣ ихъ времени, но по особымъ качествамъ ихъ власти; равно какъ въ качествахъ власти всѣхъ перечисленныхъ павшихъ государей уже implicite заключалась возможность революціи противъ нихъ; и фактъ преступности ихъ или неудачъ былъ возбудителемъ, но не причиною ихъ паденія. Если вновь изданный законъ (ордонансы Карла X), дурное административное распоряженіе (запрещеніе банкета реформистовъ при Луи-Филиппѣ), новая подать (при Карлѣ I), несчастная война (при Наполеонѣ III) дѣлаютъ возможнымъ это паденіе—значитъ, павшая власть въ этотъ моментъ ея паденія и не содержала въ себѣ ничего иного, чѣмъ что̀ выражается или можетъ быть выражено безъ остатка въ законѣ изданномъ, подати установленной, въ томъ или иномъ, но только—въ административномъ распоряженіи. Власть эта слишкомъ объяснилась; она истончилась, стала бѣдна содержа-

ніемъ; она разложилась, пройдя нѣкоторымъ особымъ образомъ черезъ рядъ историческихъ фактовъ, какъ разлагается бѣлый сложный лучъ свѣта, проходя черезъ рядъ цвѣтныхъ призмъ,—и лишь одна несущественная нить, одна блѣдная цвѣтная черточка въ ней осталась. Революція фактическая есть незамѣтный ея моментъ; нарастающее неудовольствіе массъ - моментъ не рѣшающій; главный моментъ революцій, непонятый историками, неуловленный теоретиками государства—есть моментъ *опредѣленія* въ народныхъ представленіяхъ власти монарха, какъ связанной съ чѣмъ-нибудь *опредѣленнымъ* въ его бытіи, связанной только съ *этимъ однимъ* и обрывающейся, какъ только это одно потрясено. Генрихъ VIII въ Англіи не низвергается, разрушивъ церковь древнюю, установивъ новую по своему произволу, развратный и жестокій тиранъ; Карлъ I (послѣ заботливой Елизаветы) уже вызываетъ противъ себя революцію стѣсненіемъ эмиграціи, собираніемъ податей помимо одобренія парламента. Карлъ IX, совершивъ варооломеевскую ночь, Христіанъ II, устроивъ въ Стокгольмѣ «кровавую баню», нашъ Іоаннъ Грозный и рядъ государей слабоумныхъ (Ѳеодоръ Іоанновичъ), помѣшанныхъ (Карлъ VI во Франціи), плѣненныхъ (Францискъ I, Іоаннъ Добрый), безъ вѣсти пропавшихъ (Ричардъ Плантагенетъ) оставляли народъ въ покоѣ, въ горести, въ сожалѣніи, страхѣ, ужасѣ, но никогда—въ возмущеніи. О *чемъ же* было сожалѣніе, за *что* въ государѣ страхъ, чѣмъ было удерживаемо возмущеніе, если на лицо не было не только благодѣтельной власти государственной, но и не было *государя* иначе какъ помѣшавшагося или потерянаго? Всмотримся въ фактъ, ближе, понятнѣе, ярче свѣтящій передъ нами: развѣ кровь, проливаемая Іонномъ IV, текла безъ боли? раз-

оряемый Новгородъ, готовый стать разореннымъ Псковъ — не трепетали? въ Ливонской войнѣ не было унижено царство? Итакъ, что̀ берегли въ этомъ тѣлѣ— старомъ, ненужномъ, блудномъ, упившемся въ крови? Государя-ли, когда всякій на мѣстѣ его былъ бы лучшій? Правителя беззаконнаго, военачальника побитаго, политика осмѣяннаго, судью безсуднаго? Нѣтъ, все это было ему... не прощено, не забыто, но все это—мало-лось предъ необъятнымъ инымъ, что̀ онъ несъ въ себѣ, въ этомъ изношенномъ своемъ тѣлѣ, помѣшанномъ умѣ, развращенномъ сердцѣ; точнѣе—что̀ несъ, что̀ свѣтилось для всего народа *около* этой не погаснувшей, мучительной, презрѣнной и однако бережно хранимой жизни. Мы не опредѣляемъ, не хотимъ опредѣлить смыслъ этого свѣта; мы на него указываемъ; и никто не отвергнетъ, что и псковитяне, и новгородцы, и Филиппъ Святой, и Курбскій именно ради этого невыраженнаго и чувствуемаго свѣта не осмѣлились для защиты своей поднять руки, даже слишкомъ возвысить голосъ, но—умерли, пострадали, и облили бы презрѣніемъ, возненавидѣли бы противъ потомковъ своихъ, еслибы также покорно и безропотно не пострадали, не умерли они.

И если отъ этого яркаго, значительнаго факта мы перенесемся мыслью къ другимъ фактамъ, гдѣ уже при обильномъ презрѣніи и ненависти мы видимъ гораздо меньше переносимой боли—мы, наконецъ, поймемъ ихъ. Отмѣненный банкетъ «реформистовъ» [1]) наполняетъ

[1]) Мы говоримъ не объ общихъ причинахъ, а объ частномъ, *непосредственномъ* поводѣ къ народнымъ движеніямъ, породившемъ въ *этотъ* именно день взрывъ чувствъ достаточный, чтобы снести тронъ. Мы указываемъ, какъ *относительно* (напр. избиваемыхъ новгородцевъ) слабы были эти чувства и слѣдовательно *слабъ* тронъ, тонка и не прочна его связь съ душою каждаго.

смятеніемъ улицы Парижа, волненіемъ—войска, мятежомъ—народныя массы: и король, мирный въ теченіе 18-ти лѣтъ, съ соправителемъ самаго возвышеннаго ума и рѣдкаго благородства (Гизо) позорно изгнанъ; изданные ордонансы о цензурѣ, измѣненіи избирательнаго закона и прочихъ деталяхъ управленія бросаютъ Францію въ революцію противъ Карла X; рожденіе сына-наслѣдника у непріятнаго Іакова II истощаетъ терпѣніе Англіи въ 1688 году; и не было даже этихъ ничтожныхъ, сколько-нибудь опредѣленныхъ поводовъ для низверженія, суда, казни Карла англійскаго, Людовика французскаго, кромѣ какъ развѣ то, что они хотѣли бѣжать и не съумѣли этого... Это былъ судъ, расправа, борьба... не съ монархами, а съ *злоупотреблявшими своей властью чиновниками;* пусть ихъ власть территоріально была очень обширна; она не была болѣе сложна; не была—культурна—одухотворена. Изгнанные или казненные, они уже и ранѣе этого не вростали во Францію, въ Англію; они были *связаны съ администраціей только*, дѣйствовавшей въ 1649 году въ Англіи, въ 1789 году во Франціи. Развѣ *теперь*, въ эти новые годы, Франція двинулась бы за ними въ крестовый походъ, или они сами захотѣли бы ее повести? измѣнила бы строй церкви? или даже перестала бы читать Вольтера, довѣрять Руссо? отказалась-бы отъ краснорѣчія нелѣпаго, звѣроподобнаго, могучаго Кромвеля?..

Іоаннъ Грозный—преступенъ, сынъ его—слабоуменъ, но внукъ можетъ созвать еще церковный соборъ для разсмотрѣнія вкравшихся въ церковь нестроній, земскій -для изданія новаго и лучшаго Судебника; нѣтъ вѣсти о королѣ Ричардѣ, но еще отецъ его избавилъ Англію отъ гнета безсуднаго католическаго духовенства, издавъ церковныя постановленія въ Кларендонѣ;

Ѳеодосій былъ великимъ оберегателемъ христіанства; былъ святымъ Людовикъ IX; героемъ побѣдъ и плѣна, жизнерадостнаго Возрожденія, несравненныхъ романовъ былъ Франциск I. Чѣмъ могъ быть Людовикъ XVII, XVIII, XIX, какъ не финансистомъ нѣсколько лучшимъ, нежели ихъ предокъ, мужемъ нѣсколько менѣе вѣрнымъ,—и какъ одно было не интересно, другое—не очень нужно, и во всякомъ случаѣ нисколько не священно для Франціи.

Монархъ *само*-ограничивается, и потомъ уже—ограничивается извнѣ или теряетъ вовсе власть. При цѣлости и полнотѣ въ немъ чертъ, отложенныхъ міріадами дѣяній минувшихъ и полу-забытыхъ, самая мысль объ его ограниченіи такъ же чужда бываетъ времени, враждебна каждому человѣку, какъ показалась бы ему враждебна мысль ограничить его собственную связь съ исторіей, оборвать дорогое, нужное, святое—что онъ отъ нея несетъ въ своихъ нравахъ, воспитаніи, навыкахъ, цѣломъ физическомъ и духовномъ своемъ бытіи. Какъ омофоромъ священнымъ,—отъ бурь исторіи, отъ ненависти человѣческой монархъ *этимъ* именно охраняется, въ грѣхѣ и доблести, силѣ и слабости, разсудительности и даже безуміи; что ему все проходитъ, пока не снятъ, не свился надъ нимъ, не оттолкнутъ самимъ имъ безразсудно этотъ оберегающій его, Промысломъ оберегаемый надъ нимъ, Покровъ.

VIII

Чуть-чуть, указаніемъ на нѣсколько изолированныхъ точекъ, мы дали почувствовать въ началѣ [1]) этого разсужденія, какъ мало для блага страны, какъ недостаточно для здраваго смысла несетъ въ себѣ элементовъ чрезмѣрная, всепоглощающая, всѣмъ пытающаяся овладѣть и ничѣмъ не владѣющая дѣйствительно *администрація*; мы не выражаемъ этимъ именемъ вполнѣ свою мысль: мы хотимъ говорить *о колоритѣ* новыхъ государствъ, и произносимъ имя, когда должны бы назвать *признакъ*. Мы считаемъ безплодною для народовъ, безсмысленною для разсудка *административность* этихъ государствъ; наконецъ — и здѣсь только мы начинаемъ говорить что-нибудь новое для читателя — мы ее считаемъ гибельною, опасною для монархій.

Въ узкую, бѣдную мысль Сперанскаго, какъ ранѣе, въ Европѣ, въ мысль [2]) здравую и грубую, полезную и всегда матеріальную, въ мысль никогда небесную, святую—дали вовлечь себя монархи, въ смыслѣ власти своей несшіе сверхъ грубыхъ земныхъ элементовъ и элементы мистическіе, черты не житейской праведности. Мы все отклоняемся отъ родной почвы къ исторіи чуждой. Мы хотимъ сказать, что Сперанскій самыми

---

[1]) См. выше, главы I—III.

[2]) Мы разумѣемъ дѣятелей европейской политики типа Кольбера. Между государями, выдающимися въ этомъ родѣ, были Генрихъ IV во Франціи и Фридрихъ II—въ Пруссіи, отчасти—Елизавета англійская; всѣ—дѣятельные *администраторы* своихъ странъ.

особенностями своихъ талантовъ, выдающихся—но въ бѣдной сферѣ, замѣчательныхъ—но только силами логическими, человѣкъ всего менѣе «земли», «натуры», «почвы», темперамента, всего менѣе знавшій и вѣрившій тайнѣ Антея, который черезъ припаданіе къ матери-землѣ обновлялъ свои силы,—этотъ человѣкъ особенностями своего узкаго генія чрезмѣрно съузилъ смыслъ нашего историческаго бытія. И, между тѣмъ, трудясь около монарховъ, трудясь надъ созиданіемъ нашего государственнаго механизма, онъ именно ихъ вовлекъ въ недостаточную мысль свою, уединилъ въ свою непрочную паутину, уединилъ ихъ отъ истиннаго ихъ достоинства, власти, значенія, историческаго смысла. Ни еще такой гигантъ какъ Петръ, такая самодержица какъ Екатерина—не стали болѣе возможны послѣ него. Все упорядочилось и вмѣстѣ обѣднилось; упорядочилось скорѣе въ формѣ и совершенно изсякло въ духѣ: нѣтъ—безумнаго произвола, нѣтъ—изумляющаго, неслыханнаго благодѣянія. Обратимъ вниманіе: на созывъ депутатовъ [1]), -такъ смѣло, великодушно, въ такихъ богатыхъ размѣрахъ [2]) рѣшенный безъ смущенія Екате-

[1]) Въ знаменитую «Коммисію для составленія проекта Новаго Уложенія».

[2]) Въ «Положеніи, откуда депутатовъ прислать къ сочиненію проекта Новаго Уложенія» сказано, въ §§ 3—7: «отъ жителей города -по одному депутату, отъ *однодворцевъ* каждой провинціи—по одному депутату; отъ *пѣхотныхъ солдатъ* и *разныхъ службъ служилыхъ людей*, и прочихъ ландмилицію содержащихъ, отъ каждыя провинціи—по одному депутату; отъ *государственныхъ черносошныхъ и ясачныхъ крестьянъ*, съ каждой провинціи—по одному депутату; отъ *не кочующихъ разныхъ* въ области нашей живущихъ *народовъ, каково бъ они закона ни были, крещеные* или *некрещеные*, отъ каждаго народа съ провинціи—по одному депутату».—Декабря 14 дня 1766 года.

рнною,—при нуждахъ гораздо болѣе настоятельныхъ не повторялся, и, мы чувствуемъ, это не повторится иначе, какъ въ формахъ смѣшныхъ, боязливыхъ, неудачливыхъ (коммисія «свѣдущихъ людей» 1881 г.). Что-то робкое, какая-то тѣнь Акакія Акакіевича,—не того, который послужилъ прототипомъ для Гоголя и былъ прекрасенъ, но того, какого далъ намъ Гоголь, и онъ отвратителенъ, жалокъ,—эта тѣнь сморщеннаго чего-то, безсильнаго, облѣзлаго, она пала отъ длинной и худой фигуры Сперанскаго на тысячи дѣлъ, замысловъ, предпріятій, послѣ него совершившихся и текущихъ до нашихъ дней. Мы не умѣемъ болѣе воздѣлывать свои нивы, умѣемъ написать объ нивахъ тысячи страницъ; и даже, когда воздѣланнымъ нивамъ Богъ пошлетъ урожай [1]) мы въ отчаяніи отъ него, мы растеряны, и какъ испуганныя овцы жмемся въ своихъ канцеляріяхъ, ища защиты отъ новой напасти, ища помощи и не зная, кого просить о ней, и, наконецъ, прося Бога закрыть щедрую руку, прося давать хлѣба именно столько, сколько нужно, и ни больше, ни меньше,—какъ и мы «сколько нужно» отправляемъ «бумагъ» въ день и не отправляемъ-же ихъ больше! Земля, реальное дѣло -это такъ ново; это—такъ страшно для насъ; такъ страшно ступить на почву, выйти въ жизнь, взглянуть на солнце и зеленѣющія поля, послѣ того какъ мы сто лѣтъ смотрѣли только на керосиновую лампу и видѣли передъ собою черныя, унизываемыя буквами, строки...

И, конечно, съ этою съуженною дѣйствительностью не могла слиться историческая Россія; живые инстинкты,

---

[1]) См. урожай 1894 г., и тоску администраціи нашей въ зиму 1894—95 года, по поводу его поднявшуюся.

порывъ, все неугомонное и страстное, что̀ не можетъ уложиться въ рамку размѣреннаго дня, пріуроченной работы, наконецъ—работы ясно безполезной, потекло за краями этой дѣйствительности, внѣ рамокъ канцеляріи и департамента, волнуясь, негодуя и радуясь, создавая въ этомъ теченіи поэзію, зачатки искусствъ, попытки науки—дѣйствительность новую и неожиданную, о которой ничего не знала канцелярія и которая не знала, не хотѣла знать то̀, что было въ канцеляріи, нѣсколько игнорировало, презирало ее. «Земля» и строй государственный стали разобщены: точнѣе, «строй государственный» сложился въ типъ, въ форму (и *это* именно есть дѣло Сперанскаго), которая не охватывала болѣе «землю», съузилась сравнительно съ ея инстинктами, силами, задатками, и безочетно для себя, безвинно для земли—ее оттолкнула отъ себя, или, по крайней мѣрѣ, отдѣлила.

То, что̀ насъ единственно занимаетъ здѣсь—это судьбы нашей монархіи, и то, какъ на ней отразились эти недавнія сравнительно перемѣны. Бросимъ взглядъ на факты. Не поразительно-ли, мы не знаемъ ропота Радищева, гнѣва Новикова, не знаемъ ропота и гнѣва имъ близкихъ людей, ихъ общества—иначе какъ ропота скорбнаго, проникнутаго любовью къ *сущности* того, противъ проявленій чего былъ ропотъ, почти физическій, почти крикъ боли испытываемой, но не ума размышляющаго и еще менѣе раздраженнаго сердца. Но замѣчательнѣе гораздо, что этого ропота, съ этимъ оттѣнкомъ общихъ чувствъ, не было и въ царствованіе Александра I, не было и тѣни его въ декабристахъ: вспомнимъ письмо Рылѣева къ Государю передъ

казнью [1]), исполненное трогательности, нѣжнаго уваженія къ казнящей завтра рукѣ—памятникъ единственный политической жизни у насъ, болѣе значительный и дорогой, чѣмъ всѣ пространныя и бездарныя компиляціи Сперанскаго, не исключая его «Свода»; вспомнимъ, какъ удивились и не узнали нашего общества вернувшіеся изъ ссылки декабристы. Смотрѣніемъ Бо-

---

[1]) Вотъ это замѣчательное письмо, сохранившееся въ черновомъ наброскѣ и написанное около 21 іюня 1826 г.:

«Святымъ даромъ Спасителя міра я примирился съ Творцомъ моимъ. Чѣмъ же возблагодарю я Его за это благодѣяніе, какъ не отреченіемъ отъ моихъ заблужденій и политическихъ правилъ? Такъ, Государь! отрекаюсь отъ нихъ чистосердечно и торжественно, но чтобы запечатлѣть искренность сего отреченія и совершенно успокоить совѣсть мою, дерзаю просить тебя, Государь, будь милосердъ къ товарищамъ моего преступленія. Я виновнѣе ихъ всѣхъ; я, съ самаго вступленія моего въ Думу Сѣвернаго Общества, упрекалъ ихъ въ недѣятельности; я преступною ревностію своею былъ для нихъ самымъ гибельнымъ примѣромъ; словомъ, я погубилъ ихъ; черезъ меня пролилась невинная кровь. Они, по дружбѣ своей ко мнѣ и по своему благородству, не скажутъ сего, но собственная совѣсть меня въ томъ увѣряетъ. Прошу тебя, Государь, прости ихъ: ты пріобрѣтешь въ нихъ достойныхъ себѣ вѣрноподданныхъ и истинныхъ сыновъ отечества. Твое великодушіе и милосердіе обяжетъ ихъ вѣчною благодарностью. Казни меня одного; *я благословлю десницу, меня карающую, и твое милосердіе, и предъ самою казнью не престану молить Всевышняго, да отреченіе мое и казнь на всегда отвратятъ юныхъ сограждан моихъ отъ преступныхъ предпріятій противу власти верховной*» (курсивы наши).

Не менѣе замѣчательны слова, находящіяся въ письмѣ отъ 13 марта 1826 г., писанномъ изъ крѣпости женѣ:

«...Повѣрь, мой другъ, что самое несчастіе мое (т. е. заключеніе въ крѣпость) принесло мнѣ уже важныя пользы. Пробывъ три мѣсяца одинъ съ самимъ собою, я узналъ себя лучше; я разсмотрѣлъ всю жизнь свою—и ясно увидѣлъ, что я во многомъ заблуждался. Раскаиваюсь и благодарю Всевышняго, что Онъ

жіимъ, Александръ I выражалъ еще цѣлостную историческую Россію—на поляхъ проигранныхъ и выигранныхъ битвъ, въ гордомъ отвѣтѣ Наполеону, въ конгрессахъ, въ простомъ, *общемъ* сонзволеніи на дѣятельность Сперанскаго, позднѣе—Аракчеева. Не было дѣлъ въ размѣрахъ его власти дома; онъ былъ утомленъ, онъ не хотѣлъ предпринимать ихъ; Россія страдала, какъ послѣднія 15 лѣтъ; кажется, страдала вмѣстѣ съ Государемъ своимъ; и его любила, какъ любила бы даже и тогда, еслибы страдала отъ него именно.

Отъ «Думъ» Рылѣева и его письма, отъ «Путешествія изъ Петербурга въ Москву» Радищева, отъ не опубликованныхъ при жизни записокъ кн. Михайла Щербатова мы видимъ, какъ идетъ назадъ нить непрерывающаяся, лишь чуть-чуть видоизмѣняясь, къ озабоченности «государевымъ дѣломъ» Посошкова, любви и иронін Котошихина, гнѣву, слезамъ, скорби Курбскаго... Черезъ 30 лѣтъ *позже* мы видимъ нить тоже протестовъ, желчи, гнѣва, съ которыми, однако, не можемъ соединить эту древнюю у насъ нить, не умѣемъ связать концы той и другой въ одинъ узелъ. Въ сердцахъ, въ умахъ выросло что-то новое; слѣдя за мемуарами, за-

---

открылъ мнѣ глаза. *Что бы со мной ни было* (говорится о приговорѣ Верховнаго суда, который еще не состоялся), *я столько не утрачу, сколько пріобрѣлъ отъ моего злополучія; жалѣю только, что я уже болѣе не могу быть полезнымъ моему Отечеству и Государю*, столь милосердному»... (курсивъ нашъ). См. «*Сочиненія* К. Ѳ. Рылѣева, изданныя подъ редакціей М. Н. Мазаева. Спб. 1893», стр. 183 и 170. Замѣчательны послѣднія отмѣченныя нами строки по совпаденію со взглядомъ Ѳ. М. Достоевскаго на испытаніе, имъ вынесенное въ каторгѣ. Письма Рылѣева, по ихъ высокому историческому и воспитательному значенію, должны бы стать у насъ предметомъ школьнаго изученія, и вѣроятно станутъ таковымъ со временемъ.

писками, мы видимъ, что въ эти именно 30 лѣтъ выросло это новое. Новое это—то самое, чего не узнали, чему удивились декабристы, на что́ они вознегодовали, —какъ, не думая о нихъ, сказали мы выше, вознегодовали бы Курбскій, Филиппъ, еслибы передъ Государемъ своимъ и за Государя ихъ потомки не сумѣли умереть безропотно...[1])

[1]) Кажется намъ, сравнивъ «Думы» Рылѣева, М. 1825, и «Стихотворенія» Н. Некрасова 1860—70-хъ гг., и опредѣливъ отношеніе тѣхъ и другихъ къ исторіи, а, главное—*колориту* ихъ, зоящееся тамъ и здѣсь чувство,—читатель яснѣе всего поняль-бы, о чемъ, о какой *перемѣнѣ* въ психическомъ строѣ общества мы говоримъ.

IX

Мы оставляемъ въ сторонѣ структуру общества, не умаляя ея значенія; мы сосредоточиваемъ вниманіе на самомъ *объектѣ* новыхъ и неожиданныхъ чувствъ, и спрашиваемъ: имѣетъ ли этотъ объектъ *теперь* тотъ смыслъ, какой онъ имѣлъ въ теченіе всей нашей исторіи, до Александра I включительно?

Нѣсколько очень незамѣтныхъ подробностей все же не малозначительны, и мы ихъ отмѣтимъ. Очень войнолюбивый, государь Николай I уже не сопровождалъ войскъ въ многочисленные походы, — туда, гдѣ такъ цѣлостно выражается страна, гдѣ назрѣваетъ, готовится новая складка въ бытіи историческомъ; и, съ тѣмъ вмѣстѣ, его царствованіе было чуждо какихъ-либо преобразованій, колеблющихъ, поправляющихъ въ цѣломъ бытіе народное дома. Отсутствуя тамъ, не совершая великаго здѣсь, сдерживая, охраняя лишь status quo... въ *чемъ* же именно онъ охранялъ его? что выражалъ *собою?* выражалъ *которое* изъ двухъ теченій, на которыя распалась ранѣе цѣлостная жизнь? Отвѣтъ—ясенъ, и вмѣстѣ—его великія послѣдствія...

Безъ словъ, безъ какихъ-либо раздѣльныхъ и выразимыхъ фактовъ, безъ требованій извнѣ. смыслъ «государствованія» съузился до представительства, охраненія, и въ этомъ охраненіи—до молчаливаго оправданія, *управляющаго только механизма.* Мы должны ярко

и цѣлостно представить себѣ тысячелѣтнее историческое бытіе народное, чтобы измѣрить малость этой функціи: чтобы понять, наконецъ, ея утлый, земной, исключительно матеріальный и грубый смыслъ. Мы сказали «государствованіе» и взяли терминъ слишкомъ обширный, не выражающій болѣе бѣднаго содержанія, къ которому мы его относимъ. Этотъ терминъ включаетъ еще войну и миръ, право и насиліе, всѣ факты матеріальной стороны человѣческаго бытія; и вовсе не всѣ факты, и особенно не *всесторонне*, выражаются въ *представительствѣ и охранѣ администраціи*. Тутъ — есть даже партійность; есть безъ конца — мелочности; о, даже почти только мелочность и есть, не видящая, мѣшающая видѣть, куда же идутъ большія теченія жизни, направляется исторія. Въ очень большомъ масштабѣ, раздвинутая на необъятную территорію, трансформированная въ безчисленные виды—всюду и постоянно это есть бѣдная забота о двухъ непогашенныхъ маркахъ въ Узунъ-Ада въ виду направленныхъ на грудь пушекъ. И сюда, въ эту утлую заботу, въ это смасливаніе вертящихся колесъ непонятной машины, которая давно перетираетъ только воздухъ, и, кажется, потянула или готова потянуть въ себя, какъ пищу и жертву, край платья неосторожнаго смазчика, еще думающаго, что онъ на ней несется къ какому-то далекому и великому будущему,—сюда, въ это невѣдѣніе и этотъ ужасъ, къ ужасу и смятенію тысячъ сторонніхъ глазъ, вовлечено то, чему тысячелѣтіе наши предки привыкли поклоняться какъ праведному, великому, святому...

X

Мы должны сосредоточить все свое вниманіе, быть чуткими къ переливамъ явленія, одного въ своемъ имени и разнаго въ существѣ. Въ томъ сіяніи, которое окружаетъ главу монарха и оберегаетъ ее, мы сказали—лежитъ отложенный слѣдъ всѣхъ незабытыхъ и полузабытыхъ фактовъ, изъ которыхъ сложена была жизнь историческаго народа; и каждый изъ этихъ слѣдовъ до тѣхъ поръ свѣтитъ, пока такъ или иначе, тѣмъ или инымъ усиліемъ монарха, словомъ, поступкомъ, усиліемъ, капризомъ, подвигомъ—онъ шевелится, движется, и черезъ это всѣми ощущается какъ живой. Хоть въ мимолетной чертѣ царствованія, въ какомъ-нибудь едва замѣтномъ фактѣ, если не въ фактѣ—то въ выраженномъ помыслѣ, въ высказанномъ сожалѣніи, въ скорби о неосуществленномъ, каждая струя исторіи совершившейся должна отразиться: и тогда только это сложное сіяніе остается цѣльно, монархъ есть монархъ полный, его скипетръ — не раздробленъ, корона -не обломана, держава—не умалена. И въ томъ странномъ, неопредѣленномъ и великомъ чувствѣ, которое онъ вызываетъ къ своему лику въ народѣ, тогда только не оборвется, не замолкнетъ ни одна струна, пока тамъ, въ томъ сіяніи, не угасъ ни одинъ лучъ; ибо сложность этого чувства есть только отраженная, и тамъ, въ самомъ монархѣ, въ невыраженномъ и для всѣхъ ощутимомъ смыслѣ его монархіи, лежитъ его (чувства) источникъ,

ему равное основаніе. Монархъ для всѣхъ есть то, что онъ есть для себя; въ его значеніи есть абсолютность, есть автономность: ни одинъ глазъ на него не смежится, пока онъ самъ этотъ глазъ не закроетъ на себя; и, не смежаясь, не перестанетъ видѣть въ немъ то именно, что въ себѣ видитъ, ощущаетъ, знаетъ монархъ.

Гдѣ же наше прошлое въ этомъ оберегателѣ недавнихъ учрежденій? въ этой утлой заботѣ о сегодня и только о землѣ? Гдѣ нравственный высокій смыслъ «пота, утертаго за землю русскую» Ярославомъ? молитвъ угрюмаго Андрея Суздальскаго? «богословія» Грознаго? гдѣ, мы не видимъ здѣсь страннаго и чуднаго путешествія въ Орду святителя Алексѣя, благословенія на Мамая—св. Сергія, и всего, что, не отъ государя выйдя, имъ было выслушано, въ умиленіи принято, что развило и просвѣтило его сердце; и къ этому именно сердцу, такъ просвѣщенному уму, къ этому *сложному* лику относилось наше чувство?

Мы ограблены — татью, имени котораго не знаемъ; съ нами что-то сдѣлано; нѣтъ прежнихъ чувствъ во мнѣ; я хотѣлъ бы молиться—и не могу припомнить ни одного слова молитвы; хотѣлъ бы совершить подвигъ—и выходитъ только смѣшное; хотѣлъ бы защитить святое—и бормочу не относящіяся къ дѣлу слова; хочу поднять руку, чтобы ударить и закрыть чужія кощунственныя уста и... разсмѣиваюсь. Я опустошенъ: мускулы, ноги, уши, голова—все прежнее еще у меня, но въ этомъ прежнемъ—какой-то у меня новый умъ, неизвѣстнаго и очень недавняго происхожденія сердце. Я это сердце свое ненавижу, этотъ умъ свой презираю,—и однако не могу высвободиться отъ нихъ; презираю какимъ-то новымъ презрѣніемъ, ненавижу какою-то странною, непріятною себѣ самому ненавистью.

Смыслъ жизни необъятной вокругъ меня измѣнился—и измѣнился я самъ; желто-багровыя небеса отражаются на мнѣ желто-багровымъ цвѣтомъ кожи. Это—некрасиво; я содралъ бы съ себя эту кожу... и могу думать только о томъ, чтобы свернулось это странное небо и засіяло прежнее, голубое...

XI

Едва замѣтными штрихами мы показали [1]), какъ управляющій механизмъ, болтая колесами по воздуху, очень мало выполняетъ и ту грубую функцію, къ которой онъ предназначенъ; что совершенна, собственно, модель, точнѣе — чертежъ, идея механизма, и вовсе не онъ самъ. Мы указали, какъ мальчики не обучаются, когда написано всюду, гдѣ нужно, что «обучаются»; и мы прибавили бы къ этому, точнѣе—уже разъяснили въ другомъ мѣстѣ [2]), какъ они изъемлются изъ семьи, выводятся изъ церкви, становятся противъ исторіи, когда всюду, гдѣ слѣдуетъ, говорится, разъясняется, обосновывается, что они именно усиленно молятся въ «своихъ церквахъ», въ «шитыхъ гарусомъ стихарчикахъ», что чувства къ родителямъ имъ объяснены на примѣрѣ Корнеліи Римской, и что для отечества они завтра же начнутъ совершать подвиги почти такіе-же, какъ Ѳемистоклъ для Аѳинъ и Сципіоны для Италіи...

Но вотъ болѣе новый, яснѣе уловимый по грубости фактъ, такъ ярко именно сейчасъ бьющій въ воображеніе всѣхъ: мы говоримъ еще о функціи, обогатившей нашъ управляющій механизмъ, о которой ненакормлен-

---

[1]) Въ первыхъ главахъ этой статьи.

[2]) См. «Сумерки просвѣщенія» въ «*Русскомъ Вѣстникѣ*» 1893 г. и «Афоризмы и наблюденія» въ «*Русскомъ Обозрѣніи*» за 1894 г.

ные обитатели болотъ молили Юпитера во время недавняго голода, и, наконецъ, ее получили. Мы говоримъ о новомъ «министерствѣ земледѣлія». Кто не слѣдилъ мыслью за меланхолическими поѣздками г-на Ермолова на Кавказъ, кажется -въ Крымъ, еще куда-то, очень-очень далеко отъ нашего «земледѣлія»; кто не размышлялъ надъ его посѣщеніями тутовыхъ плантацій, гдѣ-то около Кизляра или Моздока, надъ осмотромъ усовершенствованныхъ системъ пчеловодства, издѣлій кустарныхъ, — чему всему онъ отдавалъ должную дань удивленія и всему соотвѣтственно сочувствовалъ... Мы говоримъ очень серьезно, въ словахъ нашихъ нѣтъ и тѣни иронiи, и изъ «земледѣльцевъ», что̀ «пашутъ» на Маріинской площади въ Петербургѣ, мы убѣждены—нѣтъ никого, кто съ равною скорбью заглядывалъ бы въ сердце этого даровитаго и честнаго русскаго человѣка. Голодъ—это, наконецъ, фактъ, и на него нельзя отвѣтить пересыпаніемъ ассигнацій изъ одного ящика въ другой [1]), переписываніемъ смѣтныхъ назначеній изъ одной графы въ другую, циркулярнымъ распоряженіемъ; на него нужно отвѣтить... *фактомъ*!—и, между тѣмъ, орудіе, для произведенія этого факта данное, выграфливаетъ только слова...

Выростить рожь при помощи таблицы умноженія, вспахать посредствомъ гектографа поле—задача не болѣе

---

[1]) Т. е., большею частью, изъ Государственнаго банка въ казначейство и изъ казначейства въ Государственный банкъ. Дѣятельность министерства финансовъ, столь шумная и обильная въ послѣднее время, потому и *ходка*, что есть лишь дѣятельность надъ *знаками* цѣнностей и вовсе не надъ самими цѣнностями, не надъ трудомъ, не надъ человѣкомъ, не надъ землею; дѣятельность формальная и не задѣвающая существо вещей, или, по крайней мѣрѣ, не задѣвая ихъ *существеннымъ образомъ*.

разрѣшимая, нежели «поднять уровень земледѣлія въ странѣ» черезъ механизмъ, этому посвященный.

И вотъ, человѣкъ тонкаго ума, огромныхъ свѣдѣній [1]), рвенія къ дѣлу — стыдливо отъ него отходитъ; онъ — почти не остается въ Петербургѣ; въ Петербургѣ мокрыя лягушки—не тѣ, которыя были голодны во время голода, но тѣ, которыя всегда бываютъ сыты—установили для себя штаты, опредѣлили жалованье и, вытеревъ салфеткою ротъ, который сейчасъ раскроется и будетъ ѣсть, не безъ благодарнаго чувства къ отечеству подняли въ воздухъ тысячи перьевъ, придвинули бумагу и проговорили, что они «готовы»...

---

[1]) Г-ну Ермолову принадлежатъ классическіе труды по земледѣлію: «О сѣвооборотахъ въ Россіи» и другіе.

XII

Изъ сѣти учрежденій, изъ детальнаго хода ихъ, который такъ мало способенъ оплодотворить «землю»,— монархъ, для котораго эта сѣть учрежденій такъ опасна, можетъ выйти безъ сожалѣній, безъ тревоги, къ радости его ожидающей Земли. Изъ двухъ теченій, на которыя распалось цѣлостное бытіе страны, по существу своей власти, праведной и великой, онъ болѣе все-таки стоитъ во второмъ: онъ въ границахъ «земли», «народа», «быта» и нисколько не «департамента», не «канцеляріи» [1]). Такъ помнимъ мы еще отъ временъ Ярослава, Мстиславовъ, даже отъ очень новыхъ временъ Екатерины, Петра, и насъ не можетъ разубѣдить въ этомъ юная, безродная, не украшенная никакой почтенной сѣдиной мысль Сперанскаго и жалкихъ его послѣдователей [2]). «Кланяюсь гробамъ отцовъ моихъ, Святой Софьѣ,—и васъ не забуду», эти слова, обращенныя про-

---

[1]) «Я—только первый между дворянами», сказалъ о себѣ рыцарственный Франциск I; соотвѣтственно измѣнившемуся типу государства, государь, какъ Францъ-Іосифъ, могъ бы о себѣ выразиться: «я только самый главный между чиновниками». Собственно—молча, существомъ дѣлъ своихъ, это и выражаетъ всякій государь новаго типа; и настоящая статья не имѣетъ другой цѣли, какъ разъяснить и отвергнуть этотъ опасный парадоксъ.

[2]) Мы разумѣемъ здѣсь всю школу юристовъ-теоретиковъ и юристовъ-практиковъ.

щающимся княземъ [1]) къ землѣ своей, эта градація дорогого его сердцу, родного и близкаго уму, содержитъ болѣе живую теорію государства, нежели какую пытаются внушить развратители [2]) отечества нашего, съ каѳедры и изъ книгъ. Они объясняютъ [3]) объ этомъ отечествѣ, своемъ и нашемъ, что оно—«только одинъ изъ видовъ общественнаго союза»; что въ союзѣ этомъ, лишь по объему и разнообразію функцій различающемся отъ акціонерной компаніи, государь есть только обладатель очень большого числа акцій; что онъ, по крайней мѣрѣ въ идеѣ, не можетъ ничего рѣшить безъ «общаго собранія акціонеровъ»; и если рѣшаетъ иногда, рѣшаетъ пока... то всегда къ гнѣву и стыду [4]) этихъ

[1]) Мстиславомъ Храбрымъ, при отъѣздѣ изъ Новгорода.

[2]) Юристъ — обычно развратитель, *дѣлаетъ-ли* онъ (сословіе юристовъ), *учитъ-ли* и проповѣдуетъ (профессора). Поразительно, что за все время исторіи древней (римской) и новой, юристъ по профессіи или даже по складу ума, по предмету изученія и размышленія, не сталъ ни разу *великимъ государственнымъ человѣкомъ*, какъ становились ими ораторы, поэты, романисты, философы, но особенно часто воины (Аннибалъ и Цезарь, Фридрихъ Великій и Наполеонъ I, также Демосѳенъ и Кай Гракхъ, Маркъ Аврелій, Дизраэли, Эдмудъ Боркъ и др.). Юристъ—это всегда пустой человѣкъ, ничтожный по мелочности ума своего, мотивамъ дѣйствія, способамъ веденія дѣлъ; часто—обманщикъ; никогда за все существованіе человѣчества—герой. Государство, особенно желающее благоденствовать, не должно бы собственно вовсе допускать этихъ людей до исполненія въ немъ сколько-нибудь значительныхъ функцій, замѣняя ихъ смиренными филологами или твердыми воинами.

[3]) Все ниже слѣдующее имѣетъ въ виду конституціонныя пожеланія у насъ, правда теперь не имѣющія за себя приверженцевъ, но могущія получить ихъ не сегодня-завтра.

[4]) Покойный проф. Градовскій, лишь на время и не на долгіе сроки умнѣвшій («Національный вопросъ въ Россіи»), въ началѣ 80-хъ годовъ, когда окончательно стало извѣстно, что консти-

теоретиковъ, рѣшаетъ лишь до завтра... Бѣдные, о, еслибы не завтра, но именно сегодня онъ «отрѣшилъ» васъ, наконецъ, отъ земли, къ которой вы присосались ненужно,—и она сама, эта земля, васъ усиливается и не можетъ оторвать отъ себя.

Нѣтъ, нашъ возлюбленный Государь ранѣе, чѣмъ полезенъ намъ—праведенъ передъ нами; и, хотя бы не очень былъ нуженъ намъ, еслибы даже по попущенію Божію былъ труденъ для насъ, губителенъ—останется все-таки священенъ; и не до завтра, но вѣчно; не въ объемѣ нѣкоторой власти, но всяческой. Мы избираемъ, даже съ точки зрѣнія вашей «правовой», его еженедѣльно, и притомъ два раза: вѣдь вамъ безразлично, вы не можете придраться, въ какой формѣ мы подаемъ голоса, на бумажкахъ ли, поднимая руку, опуская ли голову. Ну, вотъ, когда священникъ на Великомъ выходѣ, за литургіей, произноситъ слова молитвы «о благочестивѣйшемъ *самодержавнѣйшемъ* Государѣ...», ни я, ни еще 80—90 милліоновъ кровныхъ со мною,—мы не выбѣгаемъ изъ церкви, тряся головой, ругаясь и плюясь, а склоняемъ головы, т. е. какъ *за* такого, *самодержавнаго*, молимся за него; и наканунѣ, за всенощной, когда священникъ съ діакономъ обходятъ церковь и кадятъ Богу, а клиръ призываетъ народъ въ чудно волную-

---

туціи не будетъ у насъ дано—негодовалъ и настаивалъ, что событія заставятъ ее дать; и очень чтимый мною профессоръ всеобщей исторіи, на экзаменахъ, когда случалось студенту въ историческомъ разсказѣ упомянуть, что Россія не конституціонная страна, обыкновенно насмѣшливо останавливалъ отвѣчавшаго: «а еще, кромѣ Россіи, какое изъ европейскихъ государствъ лишено конституціи?»—на что студентъ робко отвѣчалъ,—«Турція», и уже иронія сама собою получалась отъ сопоставленія магометанской и необразованной страны съ отечествомъ.

щихъ звукахъ: «благословите имя Господне, благословите *рабы* Его...»—мы всѣ (рѣшительно вся церковь) становимся на колѣна, и также не кричимъ, не протестуемъ, но признаемъ—*это* и все, что̀ изъ этого *слѣдуетъ*. Итакъ suffrage universelle сдѣланъ; онъ не прекращается [1]), не прекратится никогда; сочтите голоса—тутъ нѣтъ подлѣлывателей ихъ, какъ у васъ въ Тулузѣ; и, запомнивъ цифру,—отойдите въ сторону, отойдите съ путей нашей исторіи, не до завтра, но на вѣчно...

[1]) Да проститъ намъ читатель, и ранѣе его—св. церковь, что нѣкоторый фактъ, въ ея нѣдрахъ совершающійся, мы вводимъ въ нить нашихъ политическихъ разсужденій. Но мы должны, для полной убѣдительности, стать на почву разсужденій людей, которыхъ оспариваемъ, разбить ихъ на ихъ полѣ и ихъ оружіемъ. «*Большинство* поданныхъ голосовъ, поданныхъ *всѣмъ* населеніемъ, поданныхъ *свободно*, опредѣляетъ — *чему быть* въ землѣ», такъ говоритъ теорія и практика новой политической жизни. «Такъ», отвѣчаю я, «и вотъ на литургіи и за всенощной они поданы, народъ высказался и о томъ, — *кто̀* онъ (рабъ Божій) и *чего хочетъ*, а слѣдовательно и историческій споръ рѣшенъ».

XIII

И, выйдя изъ заблужденія этихъ новыхъ и странныхъ ученій, стряхнувъ пыль канцелярій со своей мантіи, Царь ярится среди «земли» своей въ томъ самомъ величіи и красотѣ, какое ему Богъ указалъ, земля дала своимъ потомъ и страданіемъ, и мы, дѣти этой утружденной земли, его ожидаемъ видѣть. О, какъ славенъ онъ, какъ свѣтелъ нашей совершенною любовью; какъ безропотно покорны мы малѣйшему мановенію его руки, какъ счастливы, сравнительно съ нашими заблудившимися западными братьями, этою совершенною покорностью. Какъ велики еще наши силы, какъ обильны мы жизнью; вѣдь *покориться* —это такъ трудно, и вотъ намъ совершенно легко даже это трудное! Чего не сдѣлаемъ мы, обратясь ко внѣ, къ задачамъ несравненно этой легчайшимъ! Но пока, забывъ эти задачи, упьемся трепетомъ нашихъ силъ, поэзіей нашей исторіи, красотой лица нашего передъ всѣми народами—покорностью. Я ради единаго брата во Христѣ отрекся отъ себя: что угрожаетъ мнѣ еще? Мы всѣ въ одномъ отреченіи слились—кто больше насъ? Мы, наконецъ—цари земли, но это завтра, послѣ того какъ сегодняшніе восторги утихнутъ...

XIV

И среди народа, такъ трепетно его любящаго, не озобочиваемъ никакой нуждою для *себя*, никакой *деталью* и управленія, Царь взглянетъ на желто-багровый небосклонъ, который такъ искажаетъ всѣ лица вокругъ него и исказилъ было собственный его ликъ, и едва не вырвалъ скипетръ, не разбилъ корону, и уже довольно запачкалъ его мантію. Мы *всѣ* скорбимъ— скорбью, отъ которой не умѣемъ освободиться разрозненными силами; наша печаль — не въ сердцѣ, но въ воздухѣ, которымъ мы дышемъ. Что *мнѣ* дѣлать, если атмосфера заражена вокругъ меня; и я не имѣю силъ, и Богъ не указалъ мнѣ — перестать дышать. Я отравляюсь съ сознаніемъ, съ отвращеніемъ, и могу молить только о помощи, о рукѣ достаточно сильной, чтобы свернуть это отвратительное надо мною небо. Я говорю объ «общихъ условіяхъ» дѣйствительности, о которыхъ такъ печально, такъ напрасно думаютъ, будто *лицо* — чистое и яснѣйшее въ исторіи, но не всемогущее — будто это лицо можетъ стать *внѣ* и *выше* ихъ. Нѣтъ этихъ силъ въ человѣкѣ, нѣтъ иначе какъ у немногихъ избранныхъ... Я не изъ ихъ числа, я слабъ, и однако жажда свѣжести, голубого неба во мнѣ сильна не менѣе, чѣмъ и у тѣхъ сильныхъ. Мнѣ нужна извнѣ помощь, и я требую ее, хочу — въ Царѣ все содержащемъ, всѣмъ обладающемъ, все измѣняющемъ.

XV

Царь [1])—именно *стражъ горизонтовъ*; хранитель цѣлей, къ которымъ идетъ человѣкъ на землѣ; оберегатель закона въ его принципѣ;—чистоты атмосферы, которою мы дышемъ, голубого неба, на которое смотримъ и оно смотритъ на насъ и цвѣтитъ каждое лицо собою. Онъ есть распорядитель соотношенія всѣхъ вещей, но не созидатель, не рабочій, который трудится надъ которою-нибудь, къ ущербу для другихъ или безъ ущерба, но всегда—безъ вѣдѣнія ихъ общаго соотношенія. Мы сказали, что онъ—внѣ бюрократіи; внѣ деталей управленія, не сливается разумѣніемъ и желаніемъ ни съ которою изъ нихъ. По отношенію къ нимъ всѣмъ—онъ лишь *оцѣнивательъ*, отметающій одно, ускоряющій другое, указующій какъ цѣль—третье. Онъ—впереди управленія, разыскивающій пути для него, но оставляющій въ этомъ разысканномъ пути осматриваться, избирать, гдѣ и какъ поставить ногу—самимъ идущимъ [2]). По

---

[1]) Т. е. въ идеѣ, въ смыслѣ, который мы здѣсь вскрываемъ; въ ожиданіяхъ народныхъ, въ требованіяхъ исторіи.

[2]) Въ настоящее время, когда даже вопросъ объ отнесеніи на облигаціонный или эксплоатаціонный капиталъ расхода въ нѣсколько тысячъ частнымъ акціонернымъ обществамъ восходитъ къ санкціи Монарха, онъ есть, точнѣе *выставленъ*, какъ виновникъ всѣхъ неправильныхъ дѣйствій администраціи (ибо есть *самый могущественный соучастникъ* каждаго дѣйствія), виновность же соб-

этому положенію своему, онъ—мы сказали—и стоитъ въ народѣ своемъ, «землѣ», странѣ, для которыхъ свѣтитъ небо, охраняется чистота атмосферы, блюдется законъ. И, стоя среди ихъ, имѣя уголъ зрѣнія на всѣ вещи тотъ же, какой существуетъ для земли, онъ съ нею не можетъ встрѣтиться, столкнуться. Мы хотимъ сказать, что революція при этой объясняемой нами полнотѣ монархіи—невозможна, и это по другимъ причинамъ, чѣмъ на какіе мы указывали выше: тамъ, мы говорили, мысль о ней ненавистна каждому, потому-что въ монархѣ онъ видитъ отраженіе собственнаго историческаго значенія и его ликъ для него священенъ; здѣсь — потому, что уголъ зрѣнія у нихъ одинъ, что́ нѣтъ болѣе ничего, что́ бы ихъ сталкивало,—противопоставляло другъ другу, заставляло бороться. Мнѣ тѣмъ лучше, чѣмъ необъятнѣе его власть; это—не власть болѣе опекуна надо мною, который можетъ быть своекорыстенъ, и особенно можетъ быть непріязненъ ко всякому движенію подсмотрѣть за его дѣйствіемъ, предположеніемъ, намѣреніемъ. Онъ—это *я самъ*, но только могущественный; то́-же высматриваетъ онъ, за тѣмъ же слѣдитъ; та же у него боль какъ у меня; о томъ же тревога.

ственно администраціи, которая въ дѣйствительности все рѣшаетъ точнѣе — все подсказываетъ, обосновываетъ всѣ рѣшенія (ибо держитъ въ рукахъ своихъ знаніе всѣхъ деталей и хода дѣлъ)—скрадена, затѣнена.

XVI

Свобода для чистаго, возвышеннаго, благороднаго — implicite уже заключена здѣсь. Она оскорбляетъ часто бюрократію [1]), и, насколько намъ приводилось наблю-

---

[1]) Какъ ни удивительно, какъ это ни мало вѣроятно, но это такъ: органъ административный, занятый выполненіемъ въ жизни страны какой-нибудь функціи, не только вообще не ищетъ людей, ее способныхъ наилучше выполнить, но часто тяготится ими какъ живымъ и рѣзкимъ укоромъ для человѣческихъ слабостей остального «служебнаго состава». Здѣсь можно бы привести разные примѣры, но, оставляя въ сторонѣ сомнительное и не яркое, я приведу фактъ, который способенъ удивить и смутить міръ. Кто-бы могъ повѣрить, что уважаемый цѣлою Россіей, человѣкъ исполненный религіозности, преданности церкви, любви къ землѣ своей, наконецъ, высокаго образованія, извѣстный Серг. Ал. Рачинскій, былъ лишь съ большимъ трудомъ и ясно выражаемымъ неудовольствіемъ допущенъ къ школьной дѣятельности въ своемъ родовомъ имѣніи Татевѣ (Смоленской губерніи); что у него (читавшаго лекціи ботаники въ Московскомъ университетѣ) было потребовано, чтобы онъ предварительно сдалъ экзаменъ по установленной программѣ при мѣстной прогимназіи (въ г. Бѣломъ), и это требованіе было повторено относительно его помощника, г. Н. Горбова, филолога Московскаго университета. И, наконецъ, когда всѣ эти нѣсколько унизительныя требованія были выполнены,— придравшись къ неправильному устройству при его школѣ отхожихъ мѣстъ, мѣстная администрація, едва ли безъ требованія изъ центровъ управленія, требовала или перестройки этихъ мѣстъ по своимъ планамъ, или вовсе закрытія самой школы; и, безъ сомнѣнія, нужно было именно это послѣднее. Такъ мнѣ передавалъ

дать, оскорбляетъ иногда ее и теперь. Это былъ гнѣвъ Акакія Акакіевича, полу-завистливый, полу-необъяснимый, всегда нѣмой и однако могущественный, на проходящій мимо образъ Гамлета, маркиза Позы. О, тутъ очень много было боли, и мы не все въ ней можемъ, не все въ силахъ осудить: тутъ была боль за свой скорбный видъ, скрюченную за столомъ фигуру, боль за это перо, торчащее за ухомъ, когда оно могло бы, и въ лучшемъ видѣ, быть на шляпѣ—боль за униженное свое положеніе на землѣ... «Ты даровитъ, а мои мысли такъ медленны,—какъ я ненавижу тебя!»—«Ты видишь, едва взглянувъ, когда я потерялъ зрѣніе въ разсматриваніи и все-таки ничего не различаю,—какъ мнѣ противенъ твой видъ!»—вотъ постоянное, повсюдное чувство въ этихъ темныхъ, сѣрыхъ, съ выцвѣтшимъ цвѣтомъ лица, фигурахъ: боль о себѣ, о природѣ своей униженной, объ оскорбленіи, которое они получили уже въ рожденіи. И эта боль, эта скорбь, это нервное клокотаніе неутолимаго раздраженія,—извнѣ

сотрудникъ г. Рачинскаго, законоучитель от. П. Младовъ. Такъ драгоцѣнная для всей Россіи Татевская школа была не цѣнна, не нужна, презираема и гонима только однимъ въ ней органомъ... тѣмъ самымъ, которому она и служила такъ совершенно. Много лѣтъ спустя, я съ удивленіемъ встрѣтилъ также цѣлой Россіи извѣстнаго моряка-писателя въ мундирѣ полиціймейстера совершенно сухопутнаго города. Я указываю эти факты, которые каждый легко пополнитъ, оглядываясь на жизнь; и, на нихъ основываясь, настаиваю, что умный и радѣтельный дѣлатель обычно не нуженъ и даже не терпимъ въ специфическомъ органѣ этого именно дѣланія при административно-бюрократическомъ строѣ государства. Это, конечно, возможно при условіи, что органъ за *общій* результатъ своей работы не отвѣтственъ ни передъ кѣмъ, кромѣ немощнаго общества, даже не могущаго закричать; и во всякой *деталп* дѣланія прикрытъ санкціей высшей власти.

оно давитъ собою, а внутри себя глушитъ все живое, свѣтлое, доброе... Безъ причины развѣ, что всюду, отъ прошлаго вѣка, отъ временъ энциклопедистовъ еще, — въ Парижѣ временъ M-me Сталь какъ и въ Москвѣ временъ Фамусова,—мы видимъ въ сторонѣ отъ нея все геніальное, талантливое, все наконецъ порывисто благородное, одновременно пышущее негодованіемъ и вмѣстѣ тѣснимое... Это—сонмъ Акакіевъ Акакіевичей съ глухимъ бормотаніемъ наступаетъ на жизнь; фалангой отъ Сены и до «недвижнаго Китая» они смыкаются надъ живымъ духомъ; они не могутъ ничего ему противопоставить, они не хотятъ оспорить; они хотятъ подавить, чтобы... не столько жить, но хотя-бы существовать безъ оскорбленія, безъ боли, безъ этой угнетающей мысли, что на землѣ они—не лучшіе.

И когда ничто, кромѣ *дѣла*, не будетъ оберегать этотъ могущественно-безсильный сонмъ; когда тѣнь Монарха, такъ часто изъ-за него страдальческая, не будетъ прикрывать немощь и индифферентизмъ его—тогда, безсильный подавлять внѣ себя, онъ и внутри себя, въ виду отъ него ожидаемаго, съ него требуемаго, наконецъ примкнетъ мыслью и вниманіемъ къ дѣлу. Онъ — *свободенъ въ средствахъ*; никто болѣе *не вмѣшивается въ детали* тысячъ совершаемыхъ имъ дѣлъ; но строгіе стражи—Царь и «міръ»—блюдутъ и оцѣниваютъ, достигнута ли цѣль. Жажда ее достигнуть будетъ, наконецъ, искренняя въ нихъ; потребность ее достичь — настоятельна; и не одни только покорные, хотя бы и неспособные (какъ теперь), но, напротивъ, хотя бы и неудобные, но только бы даровитые, будутъ привлекаться въ себя этимъ правящимъ механизмомъ, болѣе не оправдываемымъ, не прикрываемымъ, но повсюду, въ каждой точкѣ своего дѣйствія, контролируемымъ.

XVII

Свобода печати въ ея облагороженныхъ, не развращающихъ формахъ, и свобода мысли—не менѣе содержится въ самомъ понятіи этой безконечно-усиленной монархіи: вѣдь указывать зло, при этомъ новомъ положеніи монарха, значитъ открывать ему и «міру», что они *желаютъ* видѣть; требовать—значитъ высказывать нужду, которую они хотятъ знать. Теперь указывать зло—значитъ высказывать ропотъ на управленіе и, косвенно,—упрекать монарха, который прикрываетъ собою управляющій механизмъ; а требовать—значитъ быть недовольнымъ тѣмъ, что дано, когда давшая рука ожидала, что уже дано достаточно. Критика всякой детали управленія оскорбляетъ теперь невольно Монарха, и это какъ больно ему, такъ доставляетъ злорадное удовольствіе всякому критикующему, и часто единственный способъ для него чѣмъ-нибудь выразить ему причиненный вредъ, ущербъ, неудобство. Эта же критика, чѣмъ она можетъ оскорбить единственнаго всесильнаго гражданина, которымъ есть монархъ? онъ—болѣе не чиновникъ; онъ не чиновникъ ни которою стороною своего бытія; онъ—синтетическій смыслъ исторіи, любовь, сокровище наше, и вовсе не вьючное животное, которое мы бьемъ, когда оно дурно несетъ положенную на него ношу.

XVIII

«Le roi gouverne», «le roi règne, mais ne gouverne pas»... какія жалкія формулы, какое узкое колебаніе смысла монархической власти между сытымъ и необъяснимо-почтеннымъ недѣланіемъ и между нервною работой, кочегара около паровика, который вотъ-вотъ взорвется. Нашъ царь—*живетъ:* онъ живетъ жизнью абсолютно несвязанною ни передъ кѣмъ на землѣ, но только въ совѣсти своей—передъ Богомъ; и видъ, образъ, красота его жизни есть законъ для жизни людей. Онъ сонзволяетъ и не сонзволяетъ—на принципы жизни; онъ блюдетъ, чтобы эти принципы соблюдались; страна въ несвязанномъ голосѣ своемъ открываетъ ему истину объ этомъ примѣненіи. Для всякаго человѣка—это было бы высшее на землѣ; это—прекраснѣйшее, чѣмъ мощь на какое-нибудь дѣло, побѣду, завоеваніе, детальное законодательство; истинно священное. И вмѣстѣ—это совершенно соотвѣтствуетъ тому происхожденію царской власти и темному разумѣнію ея смысла народомъ, на который мы указали: ибо для чего же было бы слѣды всякаго великаго событія въ исторіи отлагать на главу одного, какъ не съ ожиданіемъ, что здѣсь, на этой главѣ, они когда-нибудь отразятся нѣкоторымъ драгоцѣннымъ, для всѣхъ нужнымъ, никѣмъ въ индивидуальности не обладаемымъ, смысломъ.

XIX

Въ краткихъ строкахъ, посвященныхъ темѣ, которая требовала бы томовъ, мы не можемъ выразить свою мысль иначе какъ только полу-намеками. Озабоченность Генеральнаго Штаба двумя непогашенными марками въ Узунъ-Ада послужила исходною точкою нашихъ размышленій; чередуя мысли и факты, мы дошли до утвержденія, что истинное содержаніе монархической дѣятельности есть охраненіе принциповъ жизни. Чтобы пояснить, что̀ именно мы разумѣемъ подъ этимъ, мы приведемъ, заключая свои размышленія, фактъ столь же мелкій и характерный, и даже изъ круга дѣятельности того же учрежденія... Все размышляя о степени безопасности, распространяемой на стогна «Сѣверной Пальмиры» и на раскинувшееся у ногъ ея отечество монументальнымъ Штабомъ, я переносился не разъ къ славнымъ именамъ, такъ и этакъ съ нимъ связаннымъ. Столь жаркій споръ, возникшій недавно на страницахъ газетъ и журналовъ о заслугахъ одного изъ нихъ, Тотлебена, перенесъ меня къ «Бѣлому генералу», который эти заслуги такъ горячо и, кажется, компетентно оспаривалъ... «Бѣлый генералъ»... и мое сердце также почти нѣжилось, какъ и всякаго патріота, произносящаго это имя. Я вспомнилъ даже длинные стихи, когда-то мнѣ продекламированные однимъ патріотомъ во время перехода по узкимъ мосткамъ, весною, черезъ

Неву; собственно, я припомнилъ изъ нихъ лишь одну строку:

«Архистратигъ россійскихъ ратей»...

разъ или два раза или пять разъ повторяющуюся въ стихотвореніи, и болѣе ясную, чѣмъ его остальной смыслъ. Я былъ еще подъ музыкой этихъ стиховъ, когда, придя въ свою канцелярію (въ Петербургѣ всякій приходитъ въ свою канцелярію) и начавъ дочитывать очень горячо написанное и тоже не совсѣмъ ясное «отношеніе», я вдругъ встрѣтилъ имя мною чтимаго генерала. Я очнулся, протеръ глаза и перечиталъ еще:

«...Во время Ахалъ-Текинской экспедиціи генералъ-адъютантъ Скобелевъ принялъ на себя инициативу по выпискѣ изъ Россіи проститутокъ, въ виду вреднаго вліянія отсутствія ихъ на здоровье нижнихъ чиновъ,— и хотя этотъ расходъ не имѣетъ, повидимому, никакой связи съ экспедиціею, но тѣмъ не менѣе истраченная для сей цѣли сумма едва-ли была обращена въ начетъ на командующаго войсками. Совершенно въ такихъ же условіяхъ находилось строительство дороги, организовавъ при батальонѣ хоръ музыки...»

Я посмотрѣлъ на подпись: «Завѣдывающій постройкою Закаспійской военной дороги, Генеральнаго Штаба генералъ-лейтенантъ Анненковъ. 29 января 1887 года».

Я задумался. Такъ странно:

«Архистратигъ»...

и эта озабоченность здоровьемъ солдатъ въ одномъ извѣстномъ отношеніи; можетъ быть, также,—и здоровьемъ нѣсколько высшихъ особъ, нежели только «нижніе чины». Вѣдь извѣстно, желудокъ въ генералѣ и солдатѣ, въ мужикѣ и принцѣ, одного хочетъ. И я остановился на этой желудочной сторонѣ дѣйствитель-

ности. Я вспомнилъ о всеобщей воинской повинности, о которой давно и упорно размышлялъ, не находя исхода: вѣдь бракъ она отодвинула отъ 21 года, когда онъ постоянно и повсемѣстно, *обычно* заключался въ крестьянствѣ нашемъ, въ обширныхъ и глубокихъ нѣдрахъ народа, по всѣмъ вѣроятіямъ [1]) уже послѣдняго въ исторіи. Что эта реформа *дала* странѣ—понятно; но что *унесла* она?.. И не любопытно-ли: вотъ эти строки, по которымъ небрежно бѣгутъ глаза моего читателя, строки писателя свѣтскаго, чиновника незначительнаго, являются первымъ... не протестомъ даже, но только указаніемъ на разрушеніе обычая такой значительности—въ странѣ христіанской, гдѣ заповѣдь о цѣломудріи поставлена между заповѣдью о непролитіи крови ближняго и неотнятіемъ у него собственности, нѣсколько ниже первой и выше, значительнѣе, неприкосновеннѣе второй...

Мы хотимъ этимъ сказать, что въ странахъ цивилизованныхъ и христіанскихъ главное, чѣмъ живетъ человѣкъ, что сберегаетъ его, наконецъ — его *святитъ*, какъ нѣкоторое особенное на землѣ существо и что́ мы назвали «принципами жизни»—не только не блюдется, но и не возбуждаетъ съ чьей-либо стороны опредѣленнаго вопроса. Ихъ не нащупываетъ «государство» грубою рукой; даже не напоминаетъ о нихъ церковь; и если они разрушаются, то сословіе юристовъ, облѣпившее «отечество» свое по линіямъ всѣхъ его органовъ, всѣхъ функцій, можетъ лишь улыбнуться, и, самое большее, попользоваться около этого нарушенія...

---

[1]) По истощенности въ исторической жизни всѣхъ арійскихъ и семитическихъ племенъ. См. разсужденіе «Мѣсто христіанства въ исторіи». М. 1890 г.

XX

И вотъ эта *ничья* не озабоченность тѣмъ, что̀ уноситъ одна и другая практически-нужная мѣра изъ самыхъ принциповъ бытія человѣческаго, не можетъ не озаботить, наконецъ, вдумчиваго человѣка. Жизнь течетъ... въ сущности кѣмъ руководимая? чѣмъ оберегаемая? даже кѣмъ предусматриваемая въ своихъ поворотахъ? Мы назовемъ, наконецъ, фактъ колоссальной значительности,—назовемъ то̀ грязное небо, которое насъ всѣхъ грязнитъ, то печальное «общее» обстоятельство, изъ-подъ дѣйствія котораго никто не умѣетъ вырваться: вотъ передъ нами фазисъ буржуазной цивилизаціи, затянувшійся уже вѣкъ, вызывающій революціи, потрясающій троны и уже одинъ изъ нихъ уронившій... ну, и кѣмъ же онъ былъ обдуманъ, остановленъ, ограниченъ, когда начинался? чьи вызываетъ силы къ борьбѣ противъ себя, когда господствуетъ? Гдѣ монархія, гдѣ епископы? гдѣ министры съ ихъ озабоченностью? Гдѣ вопль сожалѣнія или гнѣва, если уже недоставало силы мышцъ, чтобы его остановить? И зачѣмъ народамъ эти слѣпыя или индифферентныя силы, оплачивающія марки въ Узунъ-Ада, за Узунъ-Ада посылающіе транспорты женскаго мяса, когда и Узунъ-Ада и все вокругъ его колеблется, теряется въ своихъ основахъ, еще держится сегодня и, вѣроятно, завтра будетъ поглощено бѣдами, которыя, однако, уже сегодня предвидимы?...

Но мы входимъ въ темы, къ которымъ не хотѣли возвращаться—о неуловимыхъ умаленіяхъ и возрастаніяхъ того и инаго въ исторіи. Если, въ самомъ дѣлѣ, приказчикъ и процентщикъ дѣлаютъ завтрашній день исторіи,—ну, значитъ *они*, безъ имени, безъ легіоновъ за собою, безъ крестовъ и хоругвей впереди себя, и суть герои исторіи, Колумбы,—выходящіе на новый материкъ и имъ овладѣвающіе; а *эти*, съ опалыми хоругвями, обезсилѣвшими крестами, окоченѣлыми недвижными легіонами, какія бы еще мины ни дѣлали и какимъ бы ѳиміамомъ льстиваго и усыпляющаго куренія ни окружались—только изгнанники исторіи, истребляемыя племена Гаити и Мексики, которыхъ тайно уже и теперь, сейчасъ, оставляетъ все разсудительное и живучее...

Монархъ болѣе *не полный*—есть и *никакой;* если онъ не центръ, координирующій въ себѣ явленія жизни народной, то онъ и не органъ который-нибудь въ ней, хотя бы и пытался стать таковымъ. Онъ снялъ нѣкоторыя блестки изъ вѣнца своего,—время разнесетъ остальныя; онъ коснулся святого, таинственнаго омофора надъ собою—и не убѣжитъ, не спасется, не уклонитъ головы своей...

20 мая 1895 г. С.-Петербургъ.

2007063240